84(2=411.2)6
В96

ЗВЕЗДЫ СЕВЕРА

Валерий ВЬЮХИН

128068(1)-КР-347.00
84(2=411.2)6
В96 Вьюхин, В. Н.
Знаки : стихи разных лет

Сыктывкар :
Союз писателей

Книга должна быть возвращена не позже указанного здесь срока

Количество предыдущих выдач

Сергеева 20/02
22/03 - Семен
2/06 Алексей

Валерий ВЬЮХИН

84(2=411.2)6
В96

Валерий Вьюхин

Знаки

Стихи разных лет

128068

Сыктывкар
Союз писателей Республики Коми
2015

МБУК «ЦБС»
г. Сыктывкар

ББК 84(2=411.2)6-5
В 96

Издано при финансовой поддержке Агентства Республики Коми по печати и массовым коммуникациям

Вьюхин В.Н.

В 96 **Знаки.** Стихи разных лет.– Сыктывкар: Союз писателей Республики Коми, 2015.– 320 с.

ISBN 978-5-9905707-8-8

«Знаки» – седьмой сборник стихов Валерия Вьюхина. В него вошли как новые произведения, так и лучшие стихотворения из предыдущих книг. Любовная лирика соседствует с раздумьями о судьбах России, её прошлом и настоящем. Образность, чистота, искренность и честность поэтического слова наверняка найдут своего читателя.

ББК 84(2=411.2)6-5

ISBN 978-5-9905707-8-8

© Вьюхин В.Н., 2015
© Шарипков Г.Н., оформление обложки, 2015
© Союз писателей Республики Коми, 2015

«КРЕЩЁННЫЕ БАТЮШКОЙ СЕВЕРОМ...»

Есть поэты, кажется, вовсе не страдающие оттого, что их известность ограничивается пределами малой родины. Напротив, именно близость к ней питает их лучшие строки, адресованные прежде всего землякам, которые в большинстве своём не обременены филологической учёностью, но стихийно чутки к искренним и, возможно, просто не требующим особых эстетических изысков движениям человеческой души.

Эту близость и погружённость в природное и родовое пространство подчёркивают не только заглавия, по меньшей мере, трёх из предшествующих поэтических книг Валерия Вьюхина – «Кровная связь» (1978), «Поколение» (1991) и «Родство» (2006), но и многие из его стихов. И дело, конечно, отнюдь не в том, что Коми край и его родная Вологодчина даже административно долгое время были единым целым. Или не только в том:

...Мне выпало здесь основаться,
Не думать о странствиях впредь,
И вечером длинным, как в святцы,
В глаза голубые смотреть...

Необходимость опуститься с небес на землю со временем ощущают многие. Однако во вьюхинском случае «не думать о странствиях» – это, конечно же, не просто фигура речи. Именно – а может быть, и только – профессиональный авиатор, который не раз на подлёте к Инте или Воркуту-

те видел с высоты горы Полярного Урала, может сказать: «…Перед сумрачным храмом Урала, / Словно паперть ты, Коми земля…» Именно он может заглянуть в небесный колодец, которому не дано краёв и в котором «Самолёт шмелём залётным вьётся, / Словно ищет полое окно…».

Для автора «…и в самолётных крыльях / Есть контуры руки…» – как напоминание о тех людях, что веками ранее пытались взлететь на крыльях самодельных. А на аэродроме «…далёкий горизонт / Багровой птицей метит на бетонку…» и в непогоду «…хлещет дождь по дюралевой холке».

Но бывает, что рукотворная птица падает, не долетев до гнезда, и тогда:

В глухом краю заросший луг,
В его траве, как первый иней,
Белеет пятнами вокруг
Недогоревший алюминий…
И долго бродят по ночам
По лугу призрачные блики.
А днём земля здесь горяча,
Земля красна от земляники.
Но эти ягоды не рвут,
Их пальцы вытерпят едва ли.
Они созреют, упадут,
И запекутся на дюрали.

И потому грусть и тревога в глазах женщин, провожающих самолёт «Когда, до крестика уменьшен, / Он прорезает небеса…», напоминают об охранительном нательном крестике. Но даже после этого люди снова и снова проходят сквозь облака – как в одноимённом стихотворении, где картина напряжённого восхождения воздушного корабля сменяется покоем горизонтального полёта: «И след оставив пенный, / Неведомым путём / По зеркалу Вселенной / Мы тихо поплывём…»

Время всё же приходит – отлетался: «…Напоследок мокрыми устами / Прикоснулось облако ко мне… / До свиданья, небо, до свиданья, / На земную жизнь благослови…» Однако даже окончательно списанного по возрасту лётчика «…До черты, до последнего вздоха / Будет в небо как прежде тянуть…» от земли, где «Селом, как белые быки, / Бредут рогатые сугробы, / А за дворами вдоль реки / Сверкает лёд первейшей пробы…».

Но, даже взлетая, стихотворец от почвы не отрывается: «…крещённые батюшкой Севером, / Мы давно в эту землю вросли…» И, даже ощущая в собственной, перешедшей от предков родовой принадлежности – «Я не рыбак и не охотник, / Кому добыча на авось, / Скорее пахарь или плотник…» – более южные корни, внемлет лесной округе не менее чутко:

На ощупь окрестности пробуя,
Повадился дождик грибной,
И туча, как лошадь жерёбая,
Застенчиво ржёт за спиной.
Темно и прохладно, как в тереме,
Где слышно молитву с высот.
Природа смирилась с потерями
И вновь благоденствия ждёт.

По-прежнему ощущая неразрывную связь с небом, где «…месяц, и тот пополам, / Как будто ледышка, расколот…», поэт подсказывает любимой: «…на заре к тебе снегами / В гости ангелы бредут…» И видит снегирей заколками в её «ольховой пряди». И пусть «Время, словно резцом по железу, / настрогало в виски седину…», лирический герой поэта готов тотчас отозваться на призыв своей спутницы «Туда, где рядом высятся / Два холмика любви». Ведь «…плоть ещё духу соперница / До самых глубоких седин». Хотя и духовного единства не отнять: «…на гребне жизненного круга / Петляют наши две лыжни, / Не отдаляясь друг от друга…»

Вот мимолётная летняя зарисовка: «Стоит сенокосное вёдро, / Кузнечики стонут окрест, / И тучу в широкие бёдра / Толкает к закату зюйд-вест…» По осени далеко слышны тяжёлые взмахи журавлиных крыльев: «…Как будто сухие рубахи / От ветра шумят во дворе…» А ночью «…всё тихо, лишь в гулком подъезде / Бессонница в трубах течёт…»

У Вьюхина та же земля, накапливая жар накануне весны, «просвечивает плотью, / Как женщина сквозь пеньюар…». Хотя северные снега и впрямь роскошны, уместнее, возможно, была бы простая ночная рубашка. Но что ели в таёжном сумраке стоят, как потушенные домны – здорово. И в нижнем течении Печоры действительно «Чиста вода и так протяжны дали, / Как будто я вошёл в огромный зал, / Где рамы навсегда повыставляли…». А вот ледоход на Вычегде: «…Прошла такая длинная зима, / Река тугой расстёгивает ворот. / Зари весенней светлая тесьма / Полукольцом охватывает город…»

И всё-таки, когда поэт меняет фокус своего образного объектива, наращивает масштаб полётной карты, читателю открывается: эта земля – лишь часть большой страны, с которой автор проживает всю свою судьбу. Начиная с послевоенного времени, что явственно предстаёт в картине до отказа набитого детьми сельского школьного класса:

…Тонкая рвётся бумага,
Класс не шутя увлечён.
Словно на стенах Рейхстага –
Крупные буквы в наклон.

А за окошком Россия –
Только что после войны.
Избы, как ямы, пустые,
Очи слезами полны…

Из этого же времени – окопы на бывшей передовой «под самым почти Ленинградом», мимо которых проезжает поезд. Тогда они шокировали подростка, а теперь при известной чуткости задевают и читателя…

Согласитесь, что один из детей великой державы, которые начали тогда писать «новые главы в книге побед и потерь», имеет право с едва ли не ломоносовской одической прямотой заявить своей Родине:

Без обязательств и условий,
Без оговорок – весь я твой,
Немало родственной мне крови
С твоею связано судьбой.

Привык быть в радости и в горе
С тобой, родная сторона,
В твоём стремительном глаголе
Вся жизнь моя заключена.

И увидеть в тех же Уральских горах вечные палатки и шатры российского воинства Вьюхин вправе. И с уверенностью, что «Наши беды не столь велики, / С нами было ещё не такое…», убеждать читателя: «Оплакивать рано державу / И рано её отпевать… / А то, что с краёв отломилось, / Не всё, но ещё прирастёт…».

В сонм ностальгирующих поэт отнюдь не рвётся, но ведь: «…это ж было, чёрт возьми, / Когда срывалось пол-России / За одержимыми людьми…» Да и в собственной жизни: «…Садились порой на пределе, / Взлетали с последней плиты…» Так что, хотя личных претензий к жизни в XX веке у него немного: «…Я захватил его остаток, / Не худшую из половин…», к современности он относится весьма критично. И в стремлении поставить точки над і, случается, уходит в совсем уж не прикрытую поэтическим образом публицистику, призывая земляков продрать глаза «ото сна, ото лжи, от запоя…».

Даже умоляя Всевышнего о вразумлении, «…чтобы поле судьбы пересечь / Ни медведем, ни божьей коровкой…», поэт остаётся способен на дерзость: «…Жизнь стала короче, / Коварней и злей. / И всё это – Отче! / Под сенью твоей…» Но всё-таки до сердца достаёт не очередное обращение к булатным саблям, копьям и кольчугам, а человечно тихое сравнение той же многим вошедшей в отечественную историю XX века Коми земли: «…Она – как рано у державы / Осеребрившийся висок…» И в других лучших публицистических высказываниях он удерживается на грани, находя вполне острые, проникающие в душу метафоры.

Корабль, который без руля и ветрил нёсся на береговые камни, в последний момент уворачивается от них: «…Лишь тень корабля, словно дёготь, / Текла по неровностям скал…» В горевое горелое лето «…земля завывает зверьком, / Словно заживо шкуру сдирают…» А у навзрыд плачущей у деревенского детдома девочки слёзы «В пыль придорожную летят, / Перестоявшие, как зёрна…».

Цитирование, свидетельствующее, насколько глубоко за свою жизнь поэт прочувствовал и принял родной Север, можно продолжать. И всё-таки сквозь уверенность в тщете и мимолетности громкого признания – «…Ничто знаменитость и лоск, / Что силой иные достигли, / Всё это, как призрачный воск, / Растает у времени в тигле…», за размышлениями о том, чем различаются «микрофонные пустышки» и иногда приходящие из «захолустья по-своему способные певцы», просматривается и горечь одного из таких певцов. Неизбывной, впрочем, остаётся и надежда на последующее торжество: «…Уходит прочь случайное, пустое, / И остаётся подлинная суть…»

Эта суть открывается, в том числе, благодаря близости к народу, который, хотя не всегда благообразен: «…Наш народ, бывает, пьёт – / Вот и я с народом…», ещё

поёт и изморoм его не возьмёшь. Однако в «умильном зрачке телеглаза… исконной России не видно»… И неуспокоенность, которая ранее считалась необходимым свойством не обязательно поэта, а просто порядочного, интеллигентного, если угодно, человека: «Живу, надо мною не капает, / У жизни не слишком в долгу, / Но что-то всё душу царапает, / А что, и понять не могу…» – теперь вдруг оказалась неуместной: «…А время по-новому стряпает, / Других уже кличут за стол, / И что-то всё душу царапает, / Как будто некстати пришёл…»

Горечь и надежда позволяют понять и разделить ощущения первого коми поэта Ивана Куратова: «Вижу я: среди зла и наветов / Ты с печальною музой идёшь, / На российских опальных поэтов / Удивительно чем-то похож…» Иные строки Вьюхина напоминают и об одном из его современников – народном поэте Республики Коми Альберте Ванееве. Причём не только прямым посвящением и названием одного из стихотворений – «Клёсты», но также интонациями и размером, а главное, попыткой эмоциональной и образной концентрации.

От начала в деревянном Сыктывкаре – «городке незнаменитом, / где приличная среда» и где «оказались мы транзитом / И застряли навсегда...» в «коммуналке без ванной», когда стихи казались шалостью и лежали под подушкой, Валерий Вьюхин сполна прошёл по кусачей жизни, которая была скупа на щедроты и «не шла по прямой», но где постепенно «…поэзия с небом / Становились судьбой…» Словно в сонной заводи, плавая в прошлом, он не отрекается ни от чего: «…Теченьем ударит о берег, / Вернёт на отрезок земной. / Чего испугался, Валерик? / Ведь всё это было с тобой…»

Но сегодня, чувствуя, что «…Пропала не молодость даже, / А лучшее после неё… / …Когда ещё годы в воронку / Не падают, как водопад…», он нет-нет, да сожалеет о

потерянном времени и былой невозможности сосредоточиться на поэзии: «Всегда на какой-нибудь службе, / Покоя и воли ни дня. / И Муза лишь, может, по дружбе / Ещё навещает меня...»

И всё-таки сам он, по его словам, пут не чувствует и просит: «Дай бог, чтоб на полках читален / Мои не пылились стихи...» Выросшие в нём «из грёз и докучливой были», они «безнадёжно земные» – но отысканы потрясённой душой на плодоносном ржаном поле. Или пойманы в утренние сети и, скользя из рук, дают ощущение полной жизни: «...Чувствуешь, бушует / Жилка на виске...»

Андрей РАСТОРГУЕВ.

* * *

Нас тяготения оковы
Поймали, словно невода.
И каждый взлёт ещё – рисковый,
И возвращение – не всегда.

Как будто с небом связь порвётся,
На землю кто-то упадёт.
Так кто ж из нас не обернётся
На пролетевший самолёт?

Частица нашего, земного
Летит звезде наперерез.
О, как для нас он значит много,
Как мало значит для небес.

Не потому ль у наших женщин
Такие грустные глаза,
Когда, до крестика уменьшен,
Он прорезает небеса?

РОДСТВО

«БОЛЬШОЙ ИСТОК»

Росли на душистой чернике
И прочем припасе лесном,
Простые славянские лики
Тогда ещё были кругом.

Не знали ни фанты, ни пепси
Ребята колхозной земли,
Росли на обычном турнепсе,
На той же картошке росли.

Не слышали вальсов Шопена,
Не знали, что есть Пастернак,
Черёмухи белая пена
Катилась весной на чердак.

От тех откатившихся вёсен,
От странных намёков судьбы
Наивность мальчишеских дёсен
От внутренней крепла борьбы.

Цепляясь душою за грядку,
Мы видели тропы земли,
Не там ли, бледнея, в тетрадку
Мы первые рифмы внесли.

ФОТОГРАФИЯ

Тот день был жаркий,
Летний самый,
От зноя листья
В трубочки свило,
За много вёрст
Меня носила мама
К фотографу
В районное село.
И вот фотограф
Без расспросов лишних
То дело быстро
Свёл к концу,
И карточку
Чумазого мальчишки
На фронт отправили отцу.
А он всё шел
Дорогой ратной,
Упав под Ригою в бою,
Его товарищи
Обратно
Прислали карточку мою.
Теперь другое
Стало новью,
Но до сих пор
Я бережно храню
Отцовскою
Отмеченную кровью

128068
МБУК «ЦБС»
г. Сыктывкар

Ту фотографию свою.
И как бы путь мой
Ни был долог,
Я буду помнить,
Помнить до конца,
Что и в меня
Попал осколок –
Кусок железа,
Что убил отца.

НЕБЕСНЫЙ ГУЛ

Полынный дух, густой и горький,
Плывёт по скошенным лугам,
А за деревней, по пригорку,
Сбегает русый мальчуган.

Летит по воздуху, как чайка,
Такого ввек не догоню,
Его сиреневая майка
Упала в рожь, как в полынью.

Волной зелёною подхвачен,
Он так взмутил, погнал её,
Как будто с края сотня прачек
Стирала яркое бельё.

МБУК «ЦБС» г. Сыктывкар

Вдали, где рек крутые бивни
Сгибались в скошенной траве,
Вдруг грянул, грянул реактивный
И покатился в синеве.

Мечтал мальчишка о полёте,
Завороженно недвижим,
И знать земля, как утлый плотик,
Качнулась медленно под ним.

КАЧЕЛИ

Деревушка моя на отшибе,
Ты ль не лучшая средь деревень,
На домах твоих новенький шифер,
Словно кепки сползли набекрень.

А ты помнишь шальные качели
На берёзах твоих и столбах?
Парашютами юбки шумели,
Хохотали прохожие – Ах!

На качелях взлетали мальчишки
В поднебесье, была не была,
И парили над ними пальтишки,
Две полы, два победных крыла.

СЕНОВАЛ

Я любил бывать на сеновале,
Думы здесь прозрачны и чисты,
Будто в сене вновь зазимовали
На лугах взошедшие цветы.

Я сижу в безмолвии глубоком,
Осторожно сено вороша,
Словно здесь зарыта ненароком
Золотого августа душа.

Чуть скрипят высокие стропила,
А под ними ранний полумрак,
Целый день на улице кропило,
Дождик не кончается никак.

Звук такой, как будто за стеною
Кто-то жнёт затупленным серпом,
За окошком пылью водяною
Затянуло тусклый окоём.

Птичий клин, как ниточка продета,
Тянется в осенней пустоте.
Песню уплывающего лета
Журавли курлычут в высоте.

Выдувает ветер из-под крыши
И разносит запахи полей.
А под сено спрятался и дышит
Ароматом август-дуралей.

НАШ КВАРТАЛ

Сегодня нет поэзии со мной,
Она ушла из нашего квартала,
Быть может, ей – высокой, неземной –
Здесь воздуха и света не хватало.

У нас и впрямь простое житие,
Насмешливо, причудно, грубовато,
Трепещет двор в застиранном белье,
Как будто собирается куда-то.

Но ты ещё, поэзия, придёшь,
Вся неземная, в пурпурном и алом,
Сюда, где тополя зелёный клёш
Метёт сырую землю по увалам.

Сюда, где дни обычные идут,
Где так видны распавшиеся звенья,
Тебе и здесь отыщется приют,
И здесь повеет ветер вдохновенья.

ТВОЙ КОРАБЛЬ

В любви теперь прохлада и покой,
Как на сентябрьском выкошенном поле,
Её корабль от качки неземной
Смиренно отдыхает на приколе.

Какая грусть и тишина на нём,
Лишь ветер в трубах возится угрюмо,
А ведь давно ли этим кораблём
Владела ты от мостика до трюма.

Всё было в нём тебе подчинено,
Твоё желание – равно приказу,
Сказала ты, и крепкое вино
На корабле не видели ни разу.

Сказала ты, и с берега пришла
Унылая размеренность уюта,
Но перемены к лучшему душа,
Увы, не принимала почему-то.

И в результате бунт на корабле,
Два, три ненужных слова в разговоре,
И ты в обиде ходишь по земле,
А твой корабль покачивает море.

В воде ржавеют цепи якорей…
И я теперь подумал на досуге:
Что ты ушла, в том нет вины моей,
Да и твоей не сыщется заслуги.

ПОЛДЕНЬ

Ты заходила в воду, не боясь,
Не опасаясь всплеска и ожога,
Речной волны затейливая вязь
Вокруг тебя смыкалась понемногу.

Но таяло холодное кольцо
И повисали капельки на теле.
Ах, как смеялось милое лицо,
Как волосы прозрачные летели.

Есть у любви заветная пора
Полупризнаний и полуулыбок,
Весь мир, как пух с лебяжьего пера,
Летит тогда и радостен, и зыбок.

А ты пугаешь смехом камыши,
А я твоё выкрикиваю имя,
Как будто нет на свете ни души
И всё вокруг означено двоими.

Для нас воды парное молоко,
И этот, в берег падающий полдень,
А до зари вечерней далеко,
А ковш любви ещё полузаполнен.

ПОД ГРОЗОЙ

Какие ливни грянули с утра!
На мокрой пузырящейся панели
Угасли искры птичьего пера,
А птицы все куда-то улетели.

Ни ласточки, ни галки, ни скворца,
Пустынен мир без зверя и без птицы.
Пространство, что, казалось, без конца,
Вдруг обрело размеры и границы.

Деревья оседают у плетня,
Листы, как пыль, прихлопывает ливень,
Но всё светлей на сердце у меня,
И с каждым громом дышится счастливей.

Водой летящей я заворожён,
Она все звуки гасит постепенно,
И только струй непобедимый звон
Во все концы гуляет по вселенной.

Шуми, гроза, волнуй кусты окрест,
Звени по крышам, палубам и рекам,
Я твой люблю неистовый оркестр
И ритм, что не придуман человеком.

ПОБЫТЬ ОДНОМУ

На пологих холмах Сыктывкара
Снова осень гнездо завила,
От тягучего плотного пара
Я забросил стихи и дела.

Потянуло на вольную волю,
К свету тихих сентябрьских осин,
Осень милая, я пред тобою
Предстаю, как и прежде, один.

Никого мне сегодня не надо,
Захотелось побыть одному,
Может быть, я под шум листопада
Что-то важное в жизни пойму.

Может быть, по-ребячьи счастливым
Я побыть ненадолго смогу,
Где берёз золотистые гривы
Развеваются, как на бегу.

Я скольжу по крутому оврагу,
Голова моя вся в забытьи,
Неужели осеннюю брагу
Подмешали в лесные ручьи?

О ЖИЗНИ

Живём и умрём в одиночку,
Оставив на память живым:
Одни – драгоценную строчку,
Другие – развеянный дым.

Я знаю, что разница в этом,
И в чём-то ещё, может быть.
Ведь пахаря с тонким поэтом
По-своему можно сравнить.

Позорно пройти бестолково
Судьбою назначенный путь.
Всё это настолько не ново,
Что можно рукою махнуть.

Но всё-таки тысячи тысяч
На свете живут кое-как.
Не каждый торопится высечь
Судьбы отличительный знак.

Я тоже, что мог, то осилил.
И вам, может, в том виноват:
Метался птенцом по России,
И всё возвращался назад.

НАСТРОЕНИЕ

Какое-то странное дело:
Опять без особых причин
Заныла душа, заболела,
Померкла до самых глубин.

Так, чувствуя близкую кару,
Хотя и на что – невдомёк,
Сожмётся, готовясь к удару,
Пугливый и умный зверёк.

Наверно, мы мнительны стали.
Ещё и не пахнет грозой,
А туча неясной печали
Уже овладела душой.

Как будто вернулась сначала
Сумятица горестных дней,
Когда нас судьба доставала
Тяжёлою дланью своей.

Когда мы не знали защиты,
Любой мог обидеть шутя.
Всё это еще не забыто
И многие годы спустя.

ДОЖДЬ

Небесный испортился клапан –
Не в срок заменили старьё,
Поэтому дождик всё капал,
Выстукивал имя твоё.

Он в воздухе сеял прохладу,
Он прыгал по луже рябой,
Плясал у крыльца до упаду,
Был схож несказанно с тобой.

В тот миг ты была на балконе,
Смотрела, как струйки текут,
Дождю подставляя ладони,
Как мраморный белый сосуд.

Дождинки текли, холодили,
Летели в железный проём.
Ты помнишь: когда-то любили
Мы вместе стоять под дождём.

Но ты не о том вспоминала,
И может, совсем не о нас.
Но долго улыбка блуждала,
Слегка затухая у глаз.

КОПЬЯ

Продерите глаза, земляки,
Ото сна, ото лжи, от запоя.
Наши беды не столь велики,
С нами было ещё не такое.

Нам случалось больнее упасть,
Пережить богохульнее ересь.
Мы терпели бездарнее власть,
Видит бог, до чего дотерпелись.

Тяжело и опасно вставать,
Застят свет русофобские хлопья,
Но не зря древнерусская рать
Сквозь века протянула нам копья.

Обопрёмся на их рукоять
И поднимемся, как не бывало.
А стоять, мы умеем стоять,
Приподняв, чтоб виднее, забрало.

СВЕТЛЫЕ ХРАМЫ

Оплакивать рано державу
И рано её отпевать,
За тяжкие муки по праву
Сойдёт на неё благодать.

Вернётся к ней Божия милость,
Очнётся великий народ.
А то, что с краёв отломилось,
Не всё, но ещё прирастёт.

Загладятся грубые шрамы,
Забудется горечь и страх,
Поднимутся светлые храмы
На самых красивых местах.

История вздыбит державу,
Готовы уздечка и кнут.
Надежду России и славу
Мамаши в колясках везут.

РОДСТВО

Снега Сыктывкара повинны,
Что севером пахнет мой стих.
Давно все друзья угро-финны,
И сам я, быть может, из них.

Сомненью уже не осилить
Возникшее в сердце родство.
Поблизости станция Виледь,
Где корни отца моего.

Неслись серебристые птицы
Над тёмною пахотой дней.
Мне выпало здесь приземлиться
И звать эту землю своей.

Мне выпало здесь основаться,
Не думать о странствиях впредь,
И вечером длинным, как в святцы,
В глаза голубые смотреть.

НЕКТО

Этот тип с желтизною залысин
Окружающим мало знаком.
Он упрям, молчалив, независим,
С непрактичным, но трезвым умом.

Век двадцатый с тяжёлой одышкой
И его придавил, словно пресс.
Был он тихим и скромным мальчишкой,
В запрещённые игры не лез.

Он годами в душе, словно в тигле,
Плавил жизни сырой матерьял.

Что иные минутой постигли,
Он мучительно долго искал.

Он по воле дурацких условий
Унизительно медленно рос,
Но имея характер воловий
Мог тянуть перегруженный воз.

Налегал без надрыва и всхлипа,
Как объезженный веком Пегас.
Бог лепил из него прототипа,
Вероятно, кому-то из нас.

ПОСЛЕ ПУШКИНА

После него так много изменилось,
Но так же беспощаден свет.
И клевета, и барская немилость,
Неотвратим наёмный пистолет.

За два столетья бронзовая корка
На имени его не наросла.
В его стихах кипение восторга
И дивный свет, и чувственная мгла.

Литература пушкинскою глубью
Перед всевышним, как у алтаря,
И если в нас осталось самолюбье,
То и его судьбе благодаря.

ЛЕТОПИСЦЫ

Послевоенная школа,
Класс до отказа набит.
Дивная сила глагола
Юные души знобит.

Тихо за школьною дверью,
Только часами подряд,
Как заведённые, перья
Над падежами скрипят.

Тонкая рвётся бумага,
Класс не шутя увлечён.
Словно на стенах Рейхстага –
Крупные буквы в наклон.

А за окошком Россия –
Только что после войны.
Избы, как ямы, пустые,
Очи слезами полны.

Пишутся новые главы
В книге побед и потерь.
Дети великой державы
Вновь летописцы теперь.

ДАВНЕЕ

Я мальчишкой попал в Ленинград,
Разомкнув деревенские тропы,
Ни мосты, ни узоры оград –
Я сначала увидел окопы.

Или то, что осталось от них
На переднем краю обороны.
Каждый в поезде сразу затих,
Словно током прошило вагоны.

И на миг нам послышался гул,
Будто эхо былой канонады.
Кто-то голову в плечи втянул,
Словно сверху летели снаряды.

За окном проступал Ленинград,
Переезды хрипели вдогонку,
И всё чаще отыскивал взгляд
Не заплывшую глиной воронку.

Потрясал этот странный пейзаж,
Ни дворцы, ни высокие шпили,
Ни огромный пустой Эрмитаж
Так при встрече меня не смутили.

Я подолгу стоял у Невы,
Ощущая историю рядом,
А в глазах – те окопы и рвы,
Что под самым почти Ленинградом.

СТРЕЛЬБЫ

Заботясь о мире и благе
Схлестнутся порой старики…
Иные из них на Рейхстаге
Писали о том от руки.

Могли бы стоять на Ла-Манше,
Когда бы судьба и приказ,
Тогда бы слова о реванше
Иначе звучали сейчас.

Когда-то достали до Эльбы
Уральского блеска штыки.
Теперь, если где-нибудь стрельбы,
На запад глядят старики.

ЧУВСТВО

Никто не давал нам уроков,
Как Родину нужно любить.
Ни школы, ни толпы пророков
Не могут тому научить.

То чувство, как вера, окрепло
Перстом осенило чело,
И горсткой военного пепла
Под детское сердце легло.

Страна из войны выползала
В кровавых и грязных бинтах,
Казалось, что лик идеала
Она различала впотьмах.

Вся истина фронта и тыла
Для нас, может, в том и была,
Что Родина грудью закрыла
Тщедушные наши тела.

И ныне то чувство не глуше,
А только, быть может, трезвей,
Не выжег страдавшие души
Бездарной поры суховей.

КОЛОДЦЫ

Над замшелостью сруба –
Для ведёрка клюка,
Всё сработано грубо,
Но зато на века.

Может, это не капли
Там стучат в тишине,
А булатные сабли
По кольчуге-броне?

Или красные кони
В перестуке подков

От свирепой погони
Вдаль несут седоков?

Как бы время ни мчалось,
Отметая беду,
Забывая усталость,
Я к колодцу приду.

Чтоб услышать, как где-то
Застучит в тишине
То ли сердце планеты,
То ли сердце во мне.

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Знакомы мне холмы береговые,
Высоких гор ещё я не видал,
И вот, смятенный, я стою впервые
Перед тобой, стареющий Урал.

Уходят вдаль суровые порядки
Твоих вершин, что дики и остры,
Они стоят как вечные палатки,
Как воинства российского шатры.

Мне говорят, что ты не в прежней силе,
Развеян ветром и размыт дождём.
Неправда! Подпоясана Россия
Твоим литым железным кушаком.

РОССИЙСКАЯ ЗЕМЛЯ

Пока живу на свете белом,
Пока струится кровь моя,
Принадлежу душой и телом
Тебе, российская земля.

Без обязательств и условий,
Без оговорок – весь я твой,
Немало родственной мне крови
С твоею связано судьбой.

Привык быть в радости и в горе
С тобой, родная сторона,
В твоём стремительном глаголе
Вся жизнь моя заключена.

КОРИДОРЫ

Мы – страна коридорного типа,
Государство стеклянных дверей,
Где ночами от каждого скрипа
Пробирает мороз до костей.

За стеной кто-то жутко хохочет
Или плачет, пойди разбери.
И витийствуют все и пророчат,
Словно с будущим держат пари.

Но у нас набиваться в пророки
Всех охочих, Господь упаси!
За такое немалые сроки
Есть обычай давать на Руси.

В наши годы в глухих коридорах
Не сподоблен в мессии никто,
Чуть чего, увозили на «скорых»
Иль под стражей в казённых авто.

Поискать безопасного места,
Мы почти что его лишены.
Равнодушье, как форма протеста,
Пропитало все поры страны.

ИСХОД

Опоры великой империи
Разрушили не бунтари,
Самообмана бактерии
Разъели её изнутри.

Её погубили иллюзии
И двоедушье людей,
Да сумрачный пасынок Грузии,
К несчастью, посватался к ней.

Присвоив права государевы,
Он варварски правил в Кремле.

Поныне октябрьское зарево
Тревожит покой на земле.

Ещё от серпа и от молота
Зловещая тянется тень,
Немало под ней перемолото
Железа, людей, деревень.

Страна провалилась в безбожие,
Святые снеся купола,
Взглянув азиатскою рожею
На то, чем когда-то была.

Ещё кровоточат артерии
Разодранной в клочья страны...
Обломки великой империи
В трагический век вмещены.

КОМИ ЗЕМЛЯ

Она – окраина Европы,
Ей спину выпрямил Урал.
В войну минувшую окопы
Никто здесь в глине не копал.

Бежать в укрытия спросонок
Под вой снарядов не пришлось,
Но страшный ветер похоронок
Всю землю выстудил насквозь.

На юго-запад строй за строем
На фронт катил людской поток,
Как перед этим под конвоем,
Другой – на северо-восток.

Надолго местные царевны
Надели ватники до пят.
Их плачи горестно-напевны
Поныне душу бередят.

Тогда, казалось, в целом мире
Не сохранилось красоты.
И здесь, быть может, стали шире
Районы вечной мерзлоты.

Не разогреть её, как плугом,
Не распахать уральских скал.
Всевышний ей Полярным кругом
Сосуды все перевязал.

На очертаниях Европы
Она, как прыгнувшая рысь.
В её снегах оленьи тропы
Так странно с рельсами сошлись.

Досталось ей хулы и славы…
Всё испытав в короткий срок,
Она – как рано у державы
Посеребрившийся висок.

О ПЕСНЕ

Приходят иногда из захолустья
По-своему способные певцы,
Но песни их, наполненные грустью,
Не принимает мир за образцы.

Кто наши песни знает понаслышке,
Кто сам с народом вместе не певал,
Тому и микрофонные пустышки
Пожалуй что сойдут за идеал.

Кто почерпнуть считает неприличным
Из нашей чистой песенной реки,
Тому милы с акцентом заграничным
Грохочущие в залах пустячки.

Но жизнь идёт своею чередою,
Её нельзя хоть в чём-то обмануть.
Уходит прочь случайное, пустое,
И остаётся подлинная суть.

ОТ ПРЕДКОВ

Я не рыбак и не охотник,
Кому добыча на авось,
Скорее пахарь или плотник,
От предков так передалось.

Сидеть с наживкой не любитель,
Не промышляю глухаря.

Земля – мой ангел и хранитель,
Всё в жизни ей благодаря.

Копаю, сею и сажаю,
Над каждым всходом хлопочу.
Я рад любому урожаю
И прилетевшему грачу.

Я счастлив, если мир огромен,
Когда есть поле, небо, лес.
Не выношу каменоломен,
Какой в них, тёмных, интерес?

ПОВОРОТ

Корабль сбросил ход, но заливом
Его словно дьявол несёт.
Команда в каре молчаливом
Затравленно смотрит вперёд.

Пропущены были сигналы,
Просмотрены все маяки.
Немного ещё, и о скалы
Корабль разнесёт на куски.

Но кто-то в движении резком
Рванул до отказа штурвал.
Со скрежетом, воем и треском
Корабль поворачивать стал.

И рок отступился и трогать
Почти обречённых не стал,
Лишь тень корабля, словно дёготь,
Текла по неровностям скал.

* * *

Какие потери
На новом витке...
Закрытые двери,
Сердца на замке.

В любой подворотне
Опасная тьма.
Стреляют охотней,
Чем строят дома.

Охотней клевещут,
Похабней дерзят.
Отечество вещью
Сдают напрокат.

Жизнь стала короче,
Коварней и злей.
И всё это – Отче!
Под сенью твоей.

СТАРЫЕ ГАЗЕТЫ

Не жгите напрасно газеты,
Потом им не будет цены.
Поступки, что ими воспеты,
По-новому будут видны.

Подшивки бесстрастно листая,
Ворочая прошлое вспять,
Поймёте, как выросла стая,
Что многих сумела подмять.

С унылых столбцов по порядку,
Сдирая эпохи глазурь,
Вы, может, найдёте разгадку
Давно прокатившихся бурь.

Газеты без давности срока
Просветят года, как рентген,
И станет ясна подоплёка
Неясных пока перемен.

Храните иные газеты,
Как не было б стыдно читать.
В них есть кой-какие сюжеты,
Что могут возникнуть опять.

ВМЕСТЕ

Выйду в поле – не сквозит,
Тишина, как в яме.
Наш народ по горло сыт
Лживыми речами.

Опрокину рюмку в рот
С черствым бутербродом.
Наш народ, бывает, пьёт –
Вот и я с народом.

Наш народ ещё поёт,
Но всё реже хором.
Всё равно такой народ
Не возьмёшь измором.

Перемелет всё в муку,
Посмеётся едко.
Не такое на веку
Видывали предки.

НОВОГОДНЕЕ

Весь год – подспудная работа,
Как будто рокот шестерён.
Листочки дней из переплёта
Мы словно жребий достаём.

Весь год в заржавленные шлюзы
Проходят времени суда.
Печали, радости и грузы
Несёт послушная вода.

Предновогодние примерки
Диктует холодом зима.
Н за горою фейерверки
И льдистых горок кутерьма.

Предвосхищение события –
Грядущей тайны волшебство.
Не рядовое чаепитие,
А Новый год и Рождество.

Слышны событий отголоски,
Судьба дописывает год,
А по зауженной полоске
Уже грядущее идёт.

НАЧАЛО

Сыктывкар деревянный,
За окном петухи,
Коммуналка без ванной,
Под подушкой стихи.

Жизнь изрядно кусалась,
На щедроты скупа.
И стихи как бы шалость,
Но ещё не судьба.

Ничего не имелось –
Ни кола ни двора.
Но, казалось, всё мелочь...
Золотая пора!
Всё ещё в перспективе,
Без границ и основ,
Словно реки в разливе,
Вне своих берегов.

Лишь ещё намечалось,
Что случиться должно,
Не пугала усталость,
Не пьянило вино.

Жизни только наброски,
И работа, и дом.
Всё ещё только в воске,
Словом будет потом.

На просторе свирепом
Жизнь не шла по прямой,
Но поэзия с небом
Становились судьбой.

ВОЗМОЖНОЕ

Живу, надо мною не капает,
У жизни не слишком в долгу,
Но что-то всё душу царапает,
А что, и понять не могу.

Ну были ошибки и промахи,
Прочувствовал пряник и кнут.
И жизнью, как цвет у черёмухи,
Бывал до озноба обдут.

Ну что-то в себе выкорчевывал,
А что-то, напротив, сажал.
С души, словно с платья парчового,
Бывало, пылинки сдувал.

Ну в чём-то напрасно упорствовал,
Цепляясь за каждую пядь.
Всё время чего-то навёрстывал,
Но так и не мог наверстать.

А время по-новому стряпает,
Других уже кличут за стол,
И что-то всё душу царапает,
Как будто некстати пришёл.

КЛЁСТЫ

А. Ванееву

Совсем не уходят поэты
С прекрасной и доброй земли,
Врастают в стихи и в куплеты,
И в мир, что стихом возвели.

Свой мир в поэтической раме
Поставил и ты на мольберт,
Оправил, как вязью, стихами,
Дал имя – Ванеев Альберт.

В том имени нежность и сила,
По росту – косая сажень.
Как глыбу, тебя накатила
На берег лесная Мезень.

Ты с нами прощаясь, прощая,
Глядишь с неземной высоты.
Ты слышишь, в лесах Коми края
Твои замолчали клёсты.

РАСПЛАТА

В это лето горели леса
И лесные деревни горели.
По России прошла полоса
Огневой беспощадной метели.

С тяжким воем пылала земля,
Содрогаясь от страшного гула.
И, казалось, сама на себя,
Обезумев, она посягнула.

Всё, чему бы шуметь и расти,
Откликаться полуденным эхом,
Пожирает огонь на пути,
На живом оставляя прореху.

Ствол обугленный Божьим перстом
Всё кому-то ещё угрожает,
А земля завывает зверьком,
Словно заживо шкуру сдирают.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

«Я умру в крещенские морозы...».
Н. Рубцов.

Как эта страшна прозорливость,
Как будто себе приговор.
Предчувствие словно таилось,
Судьбу вызывая на спор.

Пророчество давней догадкой
Легло на судьбу как печать.
Наверное, жить бы с оглядкой,
То можно б того избежать.

Но так не умеют пророки,
Безжалостной музы сыны.
И вновь появляются строки,
Что мрачных предчувствий полны.

И.А. КУРАТОВУ

Вижу я: среди зла и наветов
Ты с печальною музой идёшь,
На российских опальных поэтов
Удивительно чем-то похож.

Содрогнется душа человечья,
Чуть припав к твоему роднику,
Как ты шёл от лесного наречья,
К высочайшему шёл языку.

Как ты жил средь бурсацкого сброда,
Средь людей, что на песню глухи,
Как любовно ты душу народа
Перелил в золотые стихи.

Как в далёких степях Туркестана
От чахотки, а не от свинца,
На рассвете однажды не стало
Удивительной силы певца.

Как ты там на природе нездешней,
Горечь жизни изведав вполне,
Захлебнулся последнею песней
О родимой своей стороне.

ПО СОВЕСТИ

Добросердечная провинция,
Ты стала сумрачней и злей,
За то, что намертво привинчена
Среди картофельных полей.

За то, что сразу за окраиной
Непроходимые места,
За то, что в жизни неприкаянной
Ты не добилась ни черта.

За то, что платье, как у нищенки,
За боль заброшенной земли.
Пустоголовые фердыщенки
Тебя до края довели.

Тобой безропотно оплачены
Цивилизации счета.
Ты насмотрелась всякой всячины,
По горло виденным сыта.

Жила по совести, без хитрости,
В беде сумела не пропасть,
Но кошелёк и душу вытрясти
Тебе успела эта власть.

Не отрекайтесь от провинции
И от отеческих могил.
Ведь мастерами и провидцами
Её всевышний наградил.

У ЭКРАНА

С размахом, открыто и пышно
Справляет чего-то жульё.
Глубинной России не слышно,
Да разве теперь до неё.

Умильный зрачок телеглаза
Глазеет на новую знать.
Как там не хватает спецназа,
Чтоб их большинство повязать.

Клевещет известный ехидна,
Ему ненавистна страна.
Исконной России не видно,
А та, что в зрачке, не она.

НЕПОСЛУШАНИЕ

Пророк возвратился на Родину
И многое там не узнал,
И ею немало уж пройдено,
Он сам – уж не тот либерал.

Иначе страна обустроена,
Не так, как хотелось ему.
И с мудростью старого воина
Учил он сограждан уму.

Не все торопились прислушаться
К его непреложным словам,
Покуда не стало всё рушиться,
И всё расползаться по швам.

ПРЕДКИ

Не порвав сухожилий
И хребты не сломав,
Наши прадеды жили
Средь деревьев и трав.

Спозаранку косили,
Вечерами гребли.
Поклонялись России,
Без неё не могли.

Клали русские печи
По задумке своей,
И судьбе не переча
Поднимали детей.

Понимали, где правда,
Вознеся купола,
Потому и Непрядва,
И Полтава была.

Жили ладно и мудро,
Далеко – не рабы,
Знали – каждое утро,
Как подарок судьбы.

ВОСЬМИСТИШИЯ

1.

Блажен, кто вписался во время,
Пришёлся ему ко двору,
Кто милостив, ладя со всеми,
Кто выстоял сам на ветру.
Блажен, кто с судьбою не споря,
Жил просто, как богом дано,
Кто зависть держал на запоре,
Любви отворяя окно.

2.

Перед сияющим храмом Урала,
Словно паперть ты, Коми земля,
Сколько слёз ты с лица вытирала
За людей перед Богом моля.
Сколько леса, людей и металла
В комариные топи легло.
Ты от этого хуже не стала,
Лишь печаль опалила чело.

3.

Историю нашу не нежим,
Расслабиться ей не даём,
Упорно, обильным и свежим,
Её пополняем враньём.
Свой пласт, что изруган и горек,
Мы как-то ещё узнаём.
Чем ближе копает историк,
Тем больше он шутит с огнём.

4.

Молчать не умели пророки
И в самые страшные дни,
Как ни были нравы жестоки,
Народу не лгали они.
За это на плаху бросали,
Пытали, травили и жгли,
Гноили в сибирском централе,
Упорно сживая с земли.

5.

Не надеюсь на близкое чудо,
От страны не отлипла беда.
Всё равно я не дёрну отсюда,
Даже если б и было куда.
Всё равно, чертыхаясь и плача,
До последнего верую я,
Что Россия – не старая кляча,
На которую ставить нельзя.

6.

Пожары, крушенья, невзгоды…
Вина чересчур велика.
Что мы промотали за годы,
Хватило б другим на века.
Рассеяла силы Расея
По всем континентам земли.
О, сколькие ею болея
Костьми на чужбине легли.

7.

Минувшее выцвело ситцем,
В окошке другая страна.
Я столького был очевидцем,
Что виденным память больна.
Сквозь душу событья просеял,
Как будто прошёл по углю.
Как круто менялась Россия,
Но я и такую люблю.

8.

Ещё припомнят взгляда холод,
Горячность слов, усмешку губ,
И то, что был когда-то молод,
И то, что был когда-то глуп.
Припомнят всё, что было плохо,
Что накопилось за года,
И даже то, что сам без вздоха
Не вспоминал бы никогда.

9.

Всё от случая к случаю
Ожидаешь беды,
А она, неминучая,
Прогрызает ходы.
А она землеройкою
Лезет к самым корням,
Даже самого стойкого
Прибирает к рукам.

10.

Земля стала только ночлегом,
С рассветом опять улетим.
Мы в детстве, умытые снегом,
Привыкли к скитаниям своим.
Часы романтических будней
Давно спрессовались в года.
Хоть в небе не стало уютней,
Но всё-таки тянет туда.

11.

Любите небесную синь,
Чего б голоса не напели,
И даже, когда на латынь
Врачи перейдут у постели.
И даже, когда всё равно,
Что будет, добро или худо,
Держите открытым окно,
Надеясь душою на чудо.

12.

Скорее всего, невзначай,
Бывает и так у природы:
Дадут неплохой урожай
И самые поздние всходы.
Пробьются сквозь высохший пласт,
Расправив побеги, как крылья.
Расщедрясь, природа воздаст
За тяжкие эти усилия.

13.

Поэзия, что наречённая,
Не разминуться с ней.
Она, как метка чёрная,
Над дугами бровей.
Во всех делах присутствуя,
Со всеми и одна,
Она, как даль стоустая,
Как сердца тишина.

14.

Вологодский вокзал. Суета.
Запах пота, мазута и гари.
Скорый поезд Москва–Воркута
Мутным оком глядит в Заполярье.
Над грядущим висит пелена,
Да и то – отправляюсь не в гости.
Далеко посылает страна,
Знаю только, сойду в Княжпогосте.

15.

Не знаешь, где счастье обронишь,
А где подберёшь на лету.
Кого-то ссылали в Воронеж,
А кто-то и сам – в Воркуту.
Кого-то и небо хранило,
Кого-то и дом не сберёг.
Небесная высшая сила
Сама подводила итог.

16.

Я годы, словно занавески,
Раздвину мысленно рукой,
Двадцатого столетья фрески
Появятся передо мной.
Какие огненные блики,
Они пугают и сейчас,
Зловещи у эпох на стыке,
Особенно, когда у нас.

17.

Поэт не бывает заласкан,
Стихи не считают за труд.
Бывает, что схватят за лацкан,
И, как негодяя, трясут.
Легко подшутить над поэтом,
Он этому повод даёт,
Когда из груди, как пинцетом,
Любовную грусть достаёт.

18.

Обнаружили некий изъян,
Не на чем молодца подцепили,
То ли был не ко времени пьян,
То ли голос подал не по силе.
То ли в душу чужую залез,
То ли мысли чужие присвоил.
Словом, впутал в историю бес,
Чтоб поменьше других беспокоил.

19.

Предубеждённым и предвзятым
Я быть сегодня не хочу,
Тогда, в году шестидесятом,
Нам всё, казалось, по плечу.
Ловлю себя на ностальгии,
Но это ж было, чёрт возьми,
Когда срывалось пол-России
За одержимыми людьми.

20.

Мы кое-что в небе умели,
И в том перед Богом чисты,
Садились порой на пределе,
Взлетали с последней плиты.
Мы блики растёрли по скулам
И облако сбросили с плеч.
Как небо, простором и гулом,
Ничто так не может привлечь.

21.

Я прошлое не трогаю,
Немало сора в нём.
Мы и теперь по Гоголю
В нелепости живём.
Под посвисты разбойные
Опять идёт делёж.
Мы люди подневольные,
С нас много не возьмёшь.

22.

На ощупь окрестности пробуя,
Повадился дождик грибной,
И туча, как лошадь жерёбая,
Застенчиво ржёт за спиной.
Темно и прохладно, как в тереме,
Где слышно молитву с высот.
Природа смирилась с потерями
И вновь благоденствия ждёт.

23.

Чирикал, пищал и аукал
Грибной и рябиновый лес.
В медвежий и заячий угол
С туманами август пролез.
Он ночью хозяйничал в чаще,
По-летнему светлоголов,
И нет драгоценней и слаще
Его бескорыстных даров.

24.

Говорили, что надо быть проще,
По возможности самым простым,
Как берёз неказистые рощи,
Как прозрачный над трубами дым.
Мы и стали. Уж некуда дальше,
Мы такие уже простаки,
Что не слышим обмана и фальши,
И не чувствуем в спину плевки.

25.

Тому, кто душою поэт,
Талант, как старинная прялка,
И толку от этого нет,
И выбросить, вроде бы, жалко.
Тому, кто несёт этот крест,
Душой прогибаясь от груза,
Скорее весь мир надоест,
Чем эта капризная Муза.

СЛЁЗЫ

Все слёзы нечего равнять,
А слёзы детские тем боле,
Одним слезу осушит мать,
Другим осушит ветер в поле.

Вот плачет девочка навзрыд
У деревенского детдома,
Косичка тонкая дрожит,
Как пересохшая солома.

Как будто жизнь на волоске –
Такая боль в глазах недетских,
Бегут слезинки по щеке,
И никуда от них не деться.

Бегут слезинки на халат,
На ситец розовый казённый,
В пыль придорожную летят,
Перестоявшие, как зёрна.

Конечно, вырастет она,
Как все когда-то вырастали,
Но всё же чья-то есть вина
В её теперешней печали.

Ещё сошьёт себе наряд,
И дорогой, и модный самый,
Но не забыть ей про халат,
Надетый на неё не мамой.

ВЕХИ

Разве думал, что будет мне столько,
Что от лет потемнею, как пласт,
Что дружок мой единственный Колька
Раньше многих швартовы отдаст.

Разве думал, что жизнь пролетаю
И почти что врасту в самолёт,
Что пройду не однажды по краю,
А, вернее, Господь проведёт.

Разве думал, что дети и внуки
Станут как запасной парашют,
Что поэзии вещие звуки
Навсегда в мою душу войдут.

Разве думал, что будет мне столько,
Что на жизнь по-иному взгляну,
Что накатит катком перестройка
И раздавит такую страну.

ВЕК

Ещё язвил угрюмо Чехов,
Творил яснополянский граф.
Россия, в век двадцатый въехав,
Катилась к пропасти стремглав.

Её подстерегали войны
И беззаконья торжество.
Узоры жизни многослойны,
Но как у нас, ни у кого.

Век начинался с Порт-Артура,
А завершается Чечнёй,
И между этим – диктатура,
Разруха, космос и застой.

Век заключённых и солдаток,
Век новостроек и руин…
Я захватил его остаток,
Не худшую из половин.

ДРУГИЕ ПРИМЕРЫ

Наконец, надо сблизиться с нею,
С этой жизнью, что Богом дана,
И смириться, что дар поскромнее,
За другой бы – другая цена.

За другой бы… Мы помним примеры,
Как платили за ранний успех.
Сохранились ещё револьверы,
Что смотрели зрачками на тех.

Разбивались любовные лодки,
Их снесло в окаянные дни.

От вина, от любви, от чахотки
Слишком рано сгорали они.

Уходили на гребне успеха
Под богемный трезвон щеголих.
По России стоустое эхо
Разносило легенды о них.

ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕБЕ

Сыктывкар, я к тебе возвращался,
Даже если терялись следы,
По излому небесного галса,
На мерцанье Полярной звезды.

Возвращался к закату и утром,
Провидение к дому вело.
Вычегодская даль перламутром
Обливала косое крыло.

Ты всегда возникал панорамой,
Возвышался, белея, роясь,
Самый близкий, покладистый самый,
Перекинувший в прошлое связь.

Сыктывкар, я к тебе возвращался,
Как к назначенной свыше судьбе,
И когда уже не было шанса,
Всё равно возвращался к тебе.

МОЛЬБА

Умоляю, Господь, вразуми!
За сомнения, обиды и вины,
За напрасные споры с людьми,
За нездешние эти седины.

За не выпитый счастья глоток,
За судьбу, не цветастее клавиш,
За крутой и неправедный рок,
И за что ещё, Господи, знаешь.

Вразуми, чтоб понять этот мир
И напрасно дверями не хлопать,
Чтоб любого, кто беден и сир,
Поддержать без усмешки под локоть.

Чтоб о зависть глаза не обжечь,
От беды не бежать за верёвкой,
Чтобы поле судьбы пересечь
Ни медведем, ни божьей коровкой.

ДАНЬ

В свету настольной лампы
Выплачиваю дань.
Неистовые ямбы
Царапают гортань.

От внутреннего гула
Набухли желваки,
Поэзия плеснула
Тревогою в зрачки.

Нахлынувшие чувства
Клокочут через край.
От этого искусства –
Хоть душу выжимай.

Как хлопья свежей соли,
Бумажной груды рвань.
Давно по доброй воле
Выплачиваю дань.

СЕВЕРЯНЕ

Среди нетронутых снегов,
Под знаком северных сияний,
В тиши завьюженных домов
Растут ребята – северяне.

Зима метельна и длинна,
Мороз дубасит в стены глухо,
Ночами в дом глядит луна,
Звезда лучом щекочет ухо.

Селом, как белые быки,
Бредут рогатые сугробы,

А за дворами вдоль реки
Сверкает лёд первейшей пробы.

Лишь утро встанет с белых гряд,
Звенят замочные цепочки.
Ребята с берега летят,
Как будто катятся клубочки.

НАС МНОГО

Нас выделить трудно,
Как певчих из хора –
Нас много на этой земле.
Лишь чувство достоинства
Или позора
Печатью горит на челе.

Те чувства не скроешь
Под плотною маской,
Не вытравишь горьким вином.
Какие пороки
С понятной опаской
Подчас замечаешь кругом.

Ошибка считать,
Что все люди святые,
Что грешные – промах вдвойне.
Такие как есть:
И свои, и чужие,
Сограждане дороги мне.

На ткань этой жизни
С вниманием взгляните,–
Не слишком изящна она.
Соседствуют с крепкими
Слабые нити,
Но ткань не по виду прочна.

МОЙ ГОРОД

Вода и лес окольцевали
Тебя, мой город, навсегда.
Такую ширь, такие дали
Не все имеют города.

Между железною дорогой
И полноводною рекой
Твой герб с медведем и берлогой
Поставлен мудрою рукой.

Давно не признак глухомани,
Давно не символ старины –
Твой герб подчёркивает грани
Минувших лет и новизны.

Уже давно из подворотни
Твоих не слышно петухов.
Ты, может, в первой полусотне
В ряду российских городов.

Ровняя старые овраги,
Стоишь с ковшом наперевес,
И в горы глянцевой бумаги
Ты перемалываешь лес.

Нетерпеливою рукою
Ты ставишь трубы и дома,
Литой бетонною строкою
Ты пишешь целые тома.

ЛЕДОХОД

Уходит лёд по Вычегде-реке,
Как по долине белая отара.
Уходит лёд, оставив вдалеке
Холмистые пейзажи Сыктывкара.

Мороз ковал реки ледовый щит.
Трудился днём и долгими ночами.
Ледовый панцирь вдребезги разбит
Весенними колючими лучами.

Прошла такая длинная зима,
Река тугой расстёгивает ворот.
Зари весенней светлая тесьма
Полукольцом охватывает город.

Я провожаю шумный ледоход,
Глаза на солнце ласковое щуря,
А по душе разбуженной идёт
Такая ж очистительная буря.

Она смывает грусти пелену,
Крушит, как льды, былые заблуждения.
Всё существо приветствует весну
В неодолимой жажде обновления.

Уходит лёд по Вычегде-реке,
Бурлит вода и рвётся из неволи.
Кусочек льда сжимаю в кулаке,
Не чувствуя ни холода, ни боли.

ДАЙ БОГ

Всегда на какой-нибудь службе,
Покоя и воли ни дня.
И Муза лишь, может, по дружбе,
Ещё навещает меня.

Её сердобольные вздохи
Покоя давно не дают.
Неужто дела мои плохи?
Ведь сам я не чувствую пут.

Я весел бывал и печален,
Немало порол чепухи.
Дай бог, чтоб на полках читален
Мои не пылились стихи.

Дай бог, чтоб они зацепили
Всю душу, молитве сродни.
Из грёз и докучливой были
Во мне вырастали они.

ПОТЕРИ

Досадны любые пропажи,
Теряешь не только рванье,
Пропала не молодость даже,
А лучшее после неё.

Когда уже что-нибудь значишь,
И так на мужчину похож,
Когда от любви не заплачешь,
А только в неё упадёшь.

Когда под ударом проскочишь,
Догонишь удачи возок,
И, кажется, если захочешь,
Вселенная будет у ног.

Когда не бранятся вдогонку,
А в лица с надеждой глядят,
Когда ещё годы в воронку
Не падают, как водопад.

СУДЬБА

Когда вокруг всё рушится
До смысла жизни вплоть,
Судьбы своей ослушаться –
Не приведи господь!

Ей многие перечили
И в малом, и в большом,
Живя в противоречии
И с сердцем, и с умом.

Когда повсюду тернии
И взглядов пламень злой,
Быть хочется примернее
Пред собственной судьбой.

Давно уж взял за правило –
Не спорить всуе с ней,
Что часом не оставила
Без милости своей.

ПРЫЖОК

Бывает, плохо спится,
Утрачен аппетит.
Беда седой волчицей
Поблизости кружит.

Пока лишь угрожает,
Не делая прыжка.
Наверно, выжидает,
Когда – наверняка.

Когда придавлен страхом,
Споткнёшься, одинок,
Она единым махом
Раскрутится в прыжок.

Когда свирепой пастью
Дохнёт она в лицо,
То, словно на запястье,
Защёлкнется кольцо.

ВРЕМЯ

Заметно, как мелеют реки,
В углах темнеют образа,
И нависают ниже веки
На отсиявшие глаза.

Жужжит упрямое точило,
Сдирая жизни тонкий слой,
И где слезою намочило,
И где не тронуто слезой.

Меняет время глаз разрезы,
Что были слеплены творцом.
Эпоху гложущие фрезы
Не церемонятся с лицом.

Друзей выклёвывают годы
И остывают очаги.
Внезапно ссорятся народы
И мирно сходятся враги.

СЫКТЫВКАР

Годами – не молод,
Душою – не стар.
Серебряный город,
Родной Сыктывкар.

Закатов, рассветов
Сияет кольцо,
Хороших поэтов
Здесь знают в лицо.

Ольховые блузки
Вдоль светлой реки,
Где коми и русский
Сошлись языки.

Бетонным коленом
Упёрся в волну.
К сияющим стенам
Щекою прильну.

Услышу, мой город,
Все песни твои.
Годами – не молод,
Но полон любви.

ЗЕМНОЕ НЕБО

* * *

Багровое солнце
Качнётся на крыльях,
Рванёт, словно тройка,
Горячий мотор.
Помчимся туда,
Где ветров изобилие,
Где взгляду подвластен
Небесный простор.
Порвём на лохмотья
Угрюмые тучи,
Натянем заката
Прозрачную нить.
Нас небо светлее
И чище научит
Прекрасную землю
Любить и ценить.
Потом приземлимся,
Как будто впервые,
И в поле ржаное
Пойдём не спеша –
Не там ли стихи,
Безнадёжно земные,
Найдёт потрясённая
Наша душа.

ЛЁТЧИКИ

Друзья, воздушные скитальцы,
Вы облетали пол-Земли,
И ваши трепетные пальцы
В штурвалы тонкие вросли.

Седые мальчики, мужчины,
Вы только бредите о том,
Когда крылатые машины
Взлетят, тряхнув аэродром.

И рухнут вниз поля и реки,
Лишь только воздух, только звон…
О, это чувство в человеке
Неистребимо испокон.

Но вот вы сходите устало
С уже затихших кораблей,
И на земле как будто стало
Намного прежнего светлей.

ЗЕМЛЯНИКА

В глухом краю заросший луг,
В его траве, как первый иней,
Белеет пятнами вокруг
Недогоревший алюминий.

Лежат белёсые листы,
Травою новой перевиты.
Кабины тёмные пусты
И так пугающе разбиты.

Их зверь подальше обойдёт,
И птица их посторонится.
Лишь грустный свет на самолёт
Уронит красная зарница.

И долго бродят по ночам
По лугу призрачные блики.
А днём земля здесь горяча,
Земля красна от земляники.

Но эти ягоды не рвут –
Их пальцы вытерпят едва ли.
Они созреют, упадут
И запекутся на дюрали.

КОЛОДЕЦ НЕБА

Только звук останется и звонко
Упадёт за мною на траву,
Голубую ленту горизонта
Словно паутинку оборву.

Самолёт немного покачнётся,
Понесёт меня по виражу,
Как в провал огромного колодца,
Я с небес на землю погляжу.

Подо мною всё не настояще:
Мирно дремлют копны старых гор,
И река, как будто синий ящер,
Заползает в логово озёр.

И плывут внизу косынки елей
Да полей цветные обшлаги,
Просеки, как нити параллелей,
Пролегли по зелени тайги.

Это дно небесного колодца,
А краёв колодцу не дано.
Самолёт шмелем залётным вьётся,
Словно ищет полое окно.

АЭРОДРОМ

В оврагах оседает серый снег,
А здесь свои привычные заботы:
Начав с ужасным грохотом разбег,
Взлетают и взлетают самолёты.

И день, и ночь гудит аэродром,
Зовёт к себе манящими огнями,
Земля от гула ходит ходуном,
Земля дрожит заметно под ногами.

Вокруг звучат земные голоса,
Ласкает взгляд привычная картина –
Вдали блестит бетона полоса,

Как Млечный Путь,
упавший на равнину.

Я ухожу, моторный перезвон,
Протяжный грохот слышится вдогонку,
А впереди далёкий горизонт
Багровой птицей метит на бетонку.

* * *

Синеглазая авиация,
Синь петлиц у плеча,
Появилась ты под овации,
Словно трюк циркача.

Гнулись дугами крылья узкие,
Для небес тяжела.
Ты по капельке в каждом мускуле
Силы впрок берегла.

Лишь мечтала о невесомости,
Но уже смельчаки
Выжимали такие скорости,
Что ломили виски.

СКВОЗЬ ОБЛАКА

Гудело и дрожало
Горячее крыло,
Как лезвие кинжала,
Сквозь облако прошло.

По разогретым стёклам,
Летящим напролом,
Хлестало паром блёклым,
Как ситцевым платком.

И, кажется, шипело
От скорости крыло,
В кабине потемнело,
Как солнышко зашло.

Мы потеряли в гуле –
Где небо и земля,
Как будто нас втолкнули
Под шубу февраля.

Но шубу разрывая
Уверенным крылом,
Мы прямо в царство мая
Взлетим над февралём.

И след оставив пенный,
Неведомым путём
По зеркалу Вселенной
Мы тихо поплывём.

* * *

За миг один полёта,
За крылья за спиной
Расплачивался кто-то
Смертельною ценой,

С высоких колоколен
Бросались наугад –
Подьячий небом болен
И отставной солдат.

Не от небесной кары,
От дерзости своей
Безвестные икары
Стонали у церквей.

Их не задела слава,
А смерть не обошла,
Но вызрело кроваво
Подобие крыла.

В тех муках и усилиях
Взошли свои ростки –
И в самолётных крыльях
Есть контуры руки.

ЖИЗНЬ

Небо. Аэродромы.
Воздух и дрожь крыла.
С жизнью полузнакомы,
Словно та вскользь прошла.

Небо сушило веки,
Падало в глубь зрачков.
Где-то плескались реки
В зарослях ивняков.

Где-то вскипали чувства,
Меркла от них свеча.
В небе ж, как странный сгусток,
Облако у плеча.

Встречи и расставания,
Часто через нельзя,
Часто за самой гранью
Смысла и бытия.

Утро нам щёки мылит,
С рамы стекает мгла.
Надо опять на вылет.
Так вот и жизнь прошла.

ЛИНИЯ КРЫЛА

Бывавший в небе сам поймёт
Его причуды и замашки.
В полувоенные фуражки
Одет летающий народ.

Там неизбежностью была
Суровых правил диктатура,
Она крепила, как нервюра,
Косую линию крыла.

Причастный к небу никогда
Не посылал ему упрёки,
Мы слишком в небе одиноки,
И так безжалостна среда.

Когда срываемся с земли,
В том есть мистическое что-то.
Обожествляя самолёты,
Мы, как друзей, их берегли.

ВЗЛЁТ

Самолёт, на Россию похожий,
Всеми стеклами смотрит в зенит.
У него под дюралевой кожей
Каждый нерв от азарта дрожит.

Небесам создавались в угоду:
Тонкий клюв, очертания крыл.

Бесподобную эту породу
Полстолетия народ выводил.

На бетоне стоим, на котором
В небеса начинается путь.
Мы на взлёте и к нашим моторам
Можно враз городок пристегнуть.

Покачнётся земля и отскочит
От шасси суеверным прыжком,
Потому что небесные клочья
Понесутся на нас косяком.

Понесутся, как лютые волки,
С высотой набираясь вдвойне.
Хлещет дождь по дюралевой холке
И мурашки бегут по спине.

ПОСАДКА

Перемело пути,
Вьюга, что волкодав.
Только б с небес сойти,
Что-то не поломав.

Только б аэродром
Снегом не занесло,
На вираже крутом
Не подвело крыло.

Штопор такой пурги
Небо расковырял.

Господи, помоги,
Не отпускай штурвал!

Знаки по курсу в ряд,
Снег пеленой в глаза.
Наперебой визжат
Вьюга и тормоза.

* * *

Какое счастье и мученье,
Лесная родина моя,
Что на заре крылатой тенью
Я пересёк твои края!

Передо мной предстал и ожил
Далекий мир далёких лет,
На мир реальный непохожий,
Как бы прошедший призму свет.

Я мира этого частица,
И в нём цветут мои цветы,
Но на него я, словно птица,
Смотрю с огромной высоты.

И там не явственно, а смутно
Синеют дальние холмы.
Там золотое всходит утро,
Там молодые всходим мы.

НОЧНЫЕ САМОЛЁТЫ

Когда от края и до края
Природа в сон погружена,
Кого-то сверху окликая,
Зовёт басовая струна.

Я выхожу на луговину,
На зыбкость стынущей травы,
И, к небу голову закинув,
Внимаю звукам громовым.

И вдруг охватит ретивое
Такой знакомою тоской –
И мне ведь небо не чужое,
И я для неба не чужой.

И мне понятно и знакомо
То ощущение волшебства,
Когда бетон аэродрома
Натянут, словно тетива.

ТРАССА

В небе лучшая трасса –
Над родимым крыльцом,
На обрез плексигласа
Наплывает мой дом.

Он на нитке дороги
Алой каплей висит.

Может быть, на пороге
Мама смотрит в зенит?

С рук не сходит котёнок,
Тихо ластится к ней,
Серой лапкой спросонок
Намывая гостей.

До обидного рядом
Стороной пронесёт,
Над крылечком и садом,
Скорость – за девятьсот.

По рассыпанным зёрнам
Желтоватых ракит
Мимо облачком чёрным
Тихо тень пролетит.

Лишь протяжен и тонок,
В небе слышится звук,
И у мамы котёнок
Выпадает из рук.

ПРОЩАНИЕ

Вот и всё, простился с небесами,
Сизый след оставив в вышине.
Напоследок мокрыми устами
Прикоснулось облако ко мне.

Многих небо так же целовало,
Словно тайно ставило печать,

Чтобы молний огненное жало
От других могло бы отличать.

Относил я лётную фуражку,
Далеко и бережно убрал.
Поживу с душою нараспашку,
Не цепляясь ею за штурвал.

Вот и всё, окончены скитанья,
Что навек останутся в крови.
До свиданья, небо, до свиданья,
На земную жизнь благослови.

СТАРЫЙ САМОЛЁТ

Распластав перебитые крылья,
Самолёт доживает свой век.
Он стоит, засыпаемый пылью,
В окруженье таких же калек.

По жестоким небесным законам
Он давно уж своё отлетал.
Отгудел по таёжным районам,
Отработал надёжный металл.

Ожидает нас эта же доля,
Отсияет и наша звезда.
На последнее лётное поле
Мы вернёмся уже навсегда.

Будем жить хорошо или плохо,
Но не в этом глубинная суть –
До черты, до последнего вздоха
Будет в небо как прежде тянуть.

ПЕРЕМЕНЫ

Того, кто помнил, всех благодарю,
Кто позабыл, не буду обижаться,
Я по другому жил календарю
И не спешил оттуда возвращаться.

Почти два года не был на земле,
Писал сухие строки в борт-журнале.
Мои стихи на письменном столе
За это время горечь набирали.

Прошли года, и я сменил перо,
Нашлось другое стоящее дело,
Но облаков густое серебро
На строки запоздалые осело.

Я ничего с тех строк не соскоблил,
Не сдунул сверху розовую пену.
Небесных сфер певец и старожил,
Я знаю их значение и цену.

ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ

О ТЕБЕ

Ты везде: в стихотворении,
В звуке, в музыке, в судьбе.
У берёз – твои колени,
Птичий щебет – о тебе.

Ты во всём: в лучистом взгляде
Поздней северной зари,
В снеговой ольховой пряди,
Где заколкой снегири.

Ты во всём: в небесном громе,
В перезвоне светлых вод,
О тебе былое в доме
Половицами поёт.

У тебя покой, как в храме,
В стороне от всяких смут.
На заре к тебе снегами
В гости ангелы бредут.

НА ГОЛОС

Ты окно в весну протёрла
От угла и до угла,
Ты с простуженного горла
Шерстяной платок сняла.

И в весёлом отголоске
Ловишь признаки торжеств,
В светлой раме, словно в воске,
Отпечатался твой жест.

За обычными делами,
Как на голос, обернись!
Пересохшими устами
Над тобой колдует высь.

БОГИНЯ

Мелькнула тенью светлоликой
И не оставила следа,
Но с красотою, как с уликой,
Тебе не скрыться никуда.

Тебя порой не остановишь,
Пойдёшь по краю до конца,
Лишь что-то странное уловишь
В чертах прекрасного лица.

Богиня, фея, амазонка,
Берущая без боя в плен,
Твой смех, рассыпавшийся звонко,
Опасней пения сирен.

БЫЛОЕ

Когда воскреснет всё былое,
Сияя, как иконостас,
В лицо безмерно дорогое
Смотрю не отрывая глаз.

Всё память ясно сохранила,
О том, что знали мы вдвоём,
Что возвышало и пьянило,
И продувало сквозняком.

Что в нас вошло, как дрожь по кронам,
Пронзило судьбы, как лучом.
Былое дивным камертоном
Звучит в присутствии твоём.

В ГЛАЗАХ

Боль стучит в висок, как дятел,
А, казалось бы, пустяк –
Не запутался, не спятил,
Размечтался и обмяк.

Накатило в душу что-то,
Я в твоих глазах увяз.
Но любого, как в ворота,
Можно вытолкнуть из глаз.

Хлопнет дверь, душа качнётся
На таинственных весах.
Что-то новое начнётся,
Но уже в других глазах.

* * *

Приземлён и телесен,
Если можешь, прости.
За отсутствие песен,
За неровность пути.

За нетвёрдую руку,
За прохладу в крови,
За смешную науку –
Покоряться любви.

Что в эфирах блуждаю,
Если пью – по ковшу,
Что по самому краю
У судьбы прохожу.

УХОД

Ушёл, чтоб от чувства остынуть,
Заштопать событий рванье,
Чтоб в сердце своё опрокинуть
Сияющий облик её.

Ушёл, чтобы голос не слышать,
Но знать, что во след поглядит,
И, может, из памяти выжать
Очей сероватый магнит.

Ушёл, но хотел воротиться,
Взойти на крутое крыльцо,
Где летняя пыль золотится,
И светится это лицо.

Вобрать этот лик без остатка,
Чтоб грузно просела ступень.
Мелькнёт только русая прядка,
Как будто обдуло сирень.

ИЗ ДЕТСТВА

Заросшие канавы,
Заветные места.
Мальчишечьи забавы:
Горелки и лапта.

Ещё любили в прятки,
Бывало, удеру…
И на шестом десятке
Сыграл бы в ту игру.

Унёсся бы крылато,
Чтоб леший не нашёл,
Как прятался когда-то
За маменькин подол.

В мальчишеские дали
Душою уплыву,
Чтоб годы прошуршали
Назад по рукаву.

ЖЕНЩИНА ПЕЧОРЫ

Теплоход звонкой марки «Заря»
Резвым селезнем плыл по Печоре,
Где давно уже флаг сентября
Выгорал на прибрежном просторе.

Мы сошли у большого села,
Никому ещё в нём не знакомы,
На причал лишь собака пришла,
Да и та, как охапка соломы.

Утро только съезжало с горы
Под отчаянный крик петушиный,
На реке догорали костры,
А вокруг ни людей, ни машины.

Вышла женщина к нам на крыльцо
И без слова нас в избу впустила,
Только вспыхнуло светом лицо,
Словно пламя его озарило.

Усадила за стол на скамью,
Принесла всё что водится в доме,
Чем-то тронула душу мою
Эта кроткая женщина-коми.

Было столько в глазах доброты,
Столько нежности в тихом рассказе,
Словно женщина эта цветы
Разбирала в расколотой вазе.

Я смотрел на неё не дыша,
Материнскою лаской согретый –
Если есть золотая душа,
То она вот у женщины этой.

ИЗ БЫЛИНЫ

Старинное имя Людмила
Ты, словно корону, носи.
Недаром его получила
В наследство от тихой Руси.

Но время в тебя подмешало
Немного чужого огня,
Поэтому девочкой шалой
Всегда ты была для меня.

Но всё равно северной стати
Ничем от тебя не отнять –
Любое к лицу тебе платье,
К лицу тебе русая прядь.

Забытое имя Людмила
Своею судьбой воскреси,
Для всех ты, которых любила
И будешь любить на Руси.

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Постучалась осень,
Как дурная весть,
Обещалась в восемь,
Заглянула в шесть.

И волной тумана
Обожгла висок.
Отчего так рано,
Почему не в срок?

Здесь тебя не ждали,
Ты зачем пришла?
Все мои печали
Разом принесла.

Бледной позолотой
Брызнула вокруг,
Уронила что-то
Из холодных рук.

Серебристый ключик
Зазвенел, как лёд,
Кто его получит –
Тосковать начнёт.

Будет жить уныло
На закате дня.
Ключик уронила
Ты не для меня.

ОЖИДАНИЕ

Мы стоим и мёрзнем
У реки вдвоём,
На рассвете позднем
Перевоза ждём.

В тайной ли надежде,
Что у этих вод
Пылкое, как прежде,
Чувство оживёт?

Но не станет новой
Порванная нить,
Невозможно словом
Чувство воскресить.

* * *

Золочёную уздечку
В воду бросила луна,
Говорят, что эту речку
Звери выпили до дна.

Затерялась и пропала
Говорливая река
Среди веток краснотала,
Между листьев тростника.

Лишь осталась, как отрада,
В шумных дебрях камыша
Стародавняя прохлада –
Речки высохшей душа.

Да в низинах остаются
Речки сказочной следы,
Голубые лужи-блюдца
Застоявшейся воды.

Если дома затоскую,
То в лесную благодать
Я уздечку золотую
Ухожу тогда искать.

Чую сердцем, золотая
Та уздечка – для меня,
Только ею зауздаю
Я крылатого коня.

ИСПОВЕДАЙ

Как бывало, меня исповедай,
Загляни в мою душу до дна.
За пронзительно-честной беседой
Пусть очищена будет она.

И свободна от зла и гордыни,
Для любви возродится опять.
Только горечь, как запах полыни,
Будет долго над нею витать.

Горечь эта пройдёт и растает,
И, как ветер на ветках листву,
Время грубым перстом пролистает
Неудачную в жизни главу.

И ничто не напомнит об этом,
Я и сам не хочу миража.
Напоённая горестным светом,
Исцелится больная душа.

Как бывало, меня исповедай,
Разгони заблуждения рой.
Навсегда будет нашей победой
Обретённый в страданьях покой.

ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ

Я знаю, ты любишь цветы,
Но в наших лугах на полгода
Снегов голубые холсты,
Как в горнице, стелет природа.

Откуда же взяться цветам,
Когда всюду властвует холод?
Вот месяц и тот пополам,
Как будто ледышка, расколот.

В короткие зимние дни
И к вечеру в сумерках блёклых
Цветам прошлогодним сродни
Мерцают узоры на стёклах.

Твои оживают глаза,
Когда упираешься взглядом
В соцветия, как в образа,
Подбитые тонким окладом.

Я знаю, ты любишь цветы,
Они – твои символ и вера.
Чужда бытовой суеты
Чистейшая их атмосфера.

ДВЕ ЛЫЖНИ

Мы здесь живём из-за лесов,
Из-за воды, из-за прохлады.
Мороз, как ловкий птицелов,
Следит за всеми из засады.

Но избегая западни,
По целине, по первопутку
Бегут две зыбкие лыжни,
Соединяясь на минутку.

Природа сладостно-близка,
Снега до рези светоносны.
К себе зовут издалека
Полузасыпанные сосны.

Лесов и снега благодать!
Наш путь пошёл за половину.
Не бойся, милая, отстать,
Тебя я в мире не покину.

Зажглись вечерние огни.
На гребне жизненного круга
Петляют наши две лыжни,
Не отдаляясь друг от друга.

ТВОИ ГЛАЗА

Твои глаза так трудно передать
И красками, и музыкой, и словом,
Когда во взгляде нежно-васильковом
Таинственная зреет благодать.

Скрываются из вида иногда
Твои глаза, чтоб снова появиться.
Так отлетает вспугнутая птица,
Чтоб оказаться снова у гнезда.

Твоим глазам исчезнуть не дано,
Пока я в этом мире не исчезну.
Но и туда, в пугающую бездну,
Их свет найдёт сокрытое окно.

Ну, а пока смотрю-не насмотрюсь
В твои глаза с опасной синевою.
Их тайну я когда-нибудь открою,
В оттенках уловимых разберусь.

УТРОМ

Застилает русло
Медленный туман.
Солнце светит тускло,
Скука и дурман.

Скользкий край парома
К берегу пришит,
Мокрая солома
Светлым швом лежит.

Хлюпает под днищем
Тусклая вода.
Что мы в мире ищем
И бежим куда?

Утренние думы
Не дают уснуть,
Холодом угрюмым
Наполняют грудь.

Прошлое настигло
На пути врасплох,
Распустило иглы,
Как чертополох.

Сердце исцарапав,
Было таково,
Юркнуло по трапу
Злое существо.

ЖЕНЩИНА

На работу в обычные сроки
И с работы без четверти шесть.
От такой ежедневной мороки
Всё должно бы давно надоесть.

Но когда подойдут выходные
И спадёт напряжения дрожь,
Ты подкрасишь ресницы густые
И царевной по дому пройдёшь.

Всё в тебе до черты, до предела,
Ты из крайностей вся создана,
Только пошлость тебя не задела,
Не оставила даже пятна.

ПЁРЫШКО ЛЮБВИ

Весенний свет твой облик выткал,
Небесной пылью обволок,
Укрыл зелёною накидкой
На шее русый завиток.

Речными блёстками осыпал,
Наполнил тайной светлый взгляд.
Ветра до утреннего всхлипа
Всю ночь тебя боготворят.

К тебе стучат деревья в раму,
Ты их случайно не вспугни,
И без того летят, как в яму,
Из дыма скомканные дни.

Возьми их в тёплые ладони
И всей душой благослови.
Судьба тебе на подоконник
Обронит пёрышко любви.

СОПЕРНИЦА

Бывает, что в неге предутренней
Закрыт поцелуями рот.
С годами станешь целомудренней,
Но плоть ещё привязи рвёт.

С годами станешь искушённее,
От страсти не сходишь с ума,
Но плоть не станет отрешённее,
Поступками правит сама.

Пусть юности в это не верится,
Пусть каждый себе господин,
Но плоть ещё духу соперница
До самых глубоких седин.

ВЗГЛЯДЫ

Отвернусь от упорного взгляда,
Как от близкого, злого огня.
Мне и то уж большая награда,
Если так не глядят на меня.

Если глупых не ставят вопросов,
Допекая опять и опять.
Я ещё не настолько философ,
Чтоб спокойно на них отвечать.

Чтоб терпеть откровенную ересь,
От стыда отвернувшись к стене.
Но ожгут, хладнокровно примерясь,
Взглядом, словно кнутом, по спине.

Словно швы на лице распоролись,
Смотрят гневно сухие зрачки.
Как зашить эту узкую прорезь,
О глаза не поранив руки?

В ЗЕНИТ

Лет обильное крошево
По бетонке пылит,
Всё, что было хорошего,
Просвистело в зенит.

Что пьянило и мучило,
Возвышало и жгло,
Как ожившее чучело,
С глаз долой убрело.

Лишь далёкое зарево
Медным тазом горит.
Что имел и раздаривал,
Просвистело в зенит.

ЭТО СВЯТОЕ

О том говорится немало,
Как можно и нужно любить.
И всё ж о любви не пристало
На каждом углу голосить.

Ведь всё-таки это святое,
Даётся на все времена.
Пусть знают об этом лишь двое,
Пусть знают лишь он и она.

Другим бы не знать и намёком,
Что втайне случается с ней.
Любовь под завистливым оком
Нахохлится, как воробей.

* * *

Не самая обычная
В обители земной,
До мук косноязычия
Ты выстрадана мной.

В потоках неизбежности
Сошлись у нас пути.
Какую ж залежь нежности
Нам выпало найти.

Души моей владычица,
Ты только позови,
Туда, где рядом высятся
Два холмика любви.

МАСТЕРИЦА

Давно искала матерьял
Для рукоделья.
Он подвернулся, не сбежал,
Не хлопнул дверью.

На недостаток мастерства
Не обижалась,
Чтоб испытать его, сперва
К нему прижалась.

Он встрепенулся и обмяк,
Щекой потёрся,
Стал неожиданно чудак
Покорней ворса.

Она легонько каблучком
Его прижала,
И тонкой гладью, и крестом
Завышивала.

ДУША

Быть рядом, но медлить кругами,
Быть близко, но сдерживать страсть.
Случайно коснувшись крылами,
От этого вниз не упасть.

Любить глубоко и негромко,
Прясть чувства заветную нить,
И знать, что душа-скопидомка
Всё может в себе сохранить.

И знать, что святое не выдаст
На пошлую сплетню толпе,
Лишь зябкому чувству на вырост
Порушит барьеры в себе.

ВО ВРЕМЕНИ

Душа словно сонная заводь,
Не хочется знать ни о ком,
А только во времени плавать
Слегка поводя плавником.

Скользить по событиям и датам,
Тревожа затихшую гладь.
И снова себя виноватым,
И правым себя ощущать.

Зарыться в такие потёмки,
Что явится самая жуть…
Застыть у пугающей кромки
И тихо назад повернуть.

Теченьем ударит о берег,
Вернёт на отрезок земной.
Чего испугался, Валерик?
Ведь всё это было с тобой.

* * *

Бывали и медные трубы,
Но чаще огонь и вода.
Бывали и жаркие губы,
И пресные, как лебеда.

Бывали такие полёты,
Что молнии сыпались с крыл,
Но всё же в небесные соты
И я кое-что отложил.

Случались стихи-откровенья,
Как будто шептала их высь.
А те, как сырые поленья,
С чего-то в душе не зажглись.

Бывали больные занозы,
Я их выдирал целиком,
И только незваные слёзы
Обратно втирал кулаком.

СОЗВУЧИЯ

Наверно, вам я мало интересен,
Боюсь, что сразу это не пройдёт,
Нет у меня ни музыки, ни песен,
Ни вежливых, испытанных острот.

Вокруг меня нет ауры беспечной,
Самокопанье – кара и удел,
Всё оттого, что в век бесчеловечный
Я, может быть, случайно залетел.

Попал сюда, как в логово барсучье,
И не могу освоиться в миру.
Живу давно, но нужные созвучья
Всему, что есть, душой не подберу.

А ведь она, как добрая вещунья,
Вела меня, о многом говоря,
Но в ней теперь не празднество июня,
А холодок начала сентября.

СЕТИ

Холодно на свете,
Никнут лопухи,
В утренние сети
Пойманы стихи.

Бьются плавниками
В зыбкой западне,
Скользкими боками
Не даются мне.

Искорки чешуек
Светятся в руке.
Чувствуешь, бушует
Жилка на виске.

О ЖЕНЩИНЕ

Вдруг женщина с загадочным лицом,
С нетающей джокондовой улыбкой,
Уколет память пристальным зрачком,
И прошлое покажется ошибкой.

Вдруг женщина о чём-то намекнёт,
Что ни к чему её не обязует,
И отношений новый поворот
Воображение живо дорисует.

Вдруг женщина, нечаянно дразня,
Лукаво самолюбие заденет,
И маску из смиренья на полдня
На всю себя торжественно наденет.

Вдруг женщина, как дивная звезда,
Сквозь тучи быта лучиком пробьётся.
Любовь и тайна, счастье и беда –
Всё это вместе женщиной зовётся.

БЛАГОДАТЬ

Знать бы только заранее,
Что жива благодать,
Что простое желание
Не заставит страдать.

Знать, что светом по донышко
Напиталась душа,
Что судьбу, как судёнышко,
Не растреплет, круша.

ГОСТЬЯ

Не водитесь с обидой и злостью,
Не ищите изъяна в судьбе,
А любовь, эту редкую гостью,
Навсегда позовите к себе.

Пусть она не спеша обживётся,
Скинет шубу, наденет халат,
Не однажды о быт обожжётся
И поплачет, почуяв разлад.

Вспыхнет утром от нежного счастья,
Убежит и вернётся опять,
А потом от родного запястья
Не захочет ладошку отнять.

А потом каждым нервом и клеткой
Растворится в совместной судьбе.
Только б встретиться с гостьею редкой,
Только б сразу заметить в толпе.

ВЕСЕННИЕ БЛИКИ

Распогодилось, синью плеснуло,
Застучало капелью в окно.
Словно штору от зимнего гула,
Март развесил своё полотно.

И повсюду весенние блики
Полетели, порхая, струясь,
Заслоняя метелей улики,
Расплетая морозную вязь.

Так же, так же на женские лица
Эти блики румянцем летят,
Заставляя всю душу раскрыться,
Наполняя сиянием взгляд.

Словно кто-то волшебною кистью
По ресницам и векам провёл,
Потакая весны бескорыстью,
Постигая её произвол.

Вся природа спешит к перепутью,
Где теперь появилась весна.
Вот и женщина самою сутью
Всем законам природы верна.

СОЗВУЧНОСТЬ

Луна словно лыковый лапоть,
Заброшенный на небеса,
Как тянет смеяться и плакать,
И с неба ловить голоса.

Как хочется, душу пришпоря,
Подняться в небесную синь,
Чтоб вольно парить на просторе,
Гусей не дразня и гусынь.

Как хочется раскрепощения
Измученных чувств и души,
Не слышать ничьи поучения,
Как ни были б те хороши.

Как хочется мира и лада,
Созвучности мыслей и слов,
Спокойного, ясного взгляда,
Пронзительно-честных стихов.

Но так не бывает, пожалуй,
Иные удачи не в счёт...
Судьбу, словно плот обветшалый,
По самой стремнине несёт.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

По пустынным задворкам,
Заведясь до утра,
Со звериным восторгом
Завывают ветра.

Чьи-то быстрые тени
И глухие шаги,
Окна, словно мишени,
И не видно ни зги.

Не туманная проседь,
А промозглая тьма.
Запоздалая осень,
А за нею зима.

Непривычно и жутко
Занималась заря,
Как последняя шутка
На устах октября.

ТУЧИ

Туча к туче в небе чалится
Необъятным кораблём,
Ничего не получается,
Только молнии и гром.

Туча с тучей не поладила,
Огрызнулась невпопад,

И пошла гулять громадина,
Только привязи трещат.

На черёмухи крахмальные
Опрокинулся сосуд.
Как машины поливальные,
Тучи с грохотом ползут.

ЗАЗИМКИ

Взлетают последние птицы
На ветер холодный и злой.
Берёз лубяные глазницы
Исходят последней слезой.

Природа надулась и плачет,
Но только не знаешь по ком,
Обильные слёзы не прячет,
Не сушит зелёным платком.

Короткого лета обноски
Свисают с озябших ветвей.
Почти не слышны отголоски
Напитанных зеленью дней.

Осенней земли рубероид
От каждого шага хрустит,
Но скоро метели укроют
Земли сероватый графит.

Осталось не больше недели,
Зима уж стоит за углом.
Нагрянут шальные метели,
И всё полетит кувырком.

ГРОЗА

По все четыре стороны
Обвальный дождь идёт,
И молнии, как бороны,
Кромсают небосвод.

Над пенными корытами,
Над лужами подряд,
Ветвями перемытыми
Кустарники шуршат.

Взлохмаченными прачками
Полощут свитера,
Что пылью перепачкали
Залётные ветра.

Кипит небес аквариум,
Плескаясь за края.
Висит туманным маревом
Дождинок кисея.

ЛЕСНЫЕ ТАЙНЫ

До чего леса бескрайны.
Там, где краешек земли,
Неозвученные тайны
Под коренья залегли.

До чего леса огромны.
В тёмной зелени до пят,
Как потушенные домны,
Ели в сумраке стоят.

До чего леса целебны.
Слышно шелесты в тиши,
Словно тихие молебны
За спасение души.

НОЧЬ

Мир дремлет покоем объятый,
Истаял заката фитиль,
И месяц совковой лопатой
Сгребает небесную пыль.

Не всё под луною так плохо,
Незыблем порядок ночной,
Мешки золотого гороха
Рассыпаны над головой.

Налипли чешуйки созвездий
На тёмный глухой небосвод.
Всё тихо, лишь в гулком подъезде
Бессонница в трубах течёт.

В ЛЕСУ

Еловые шишки
На ветках висят,
Как будто пустышки
Для рыжих бельчат.

Сбежались опята
К замшелости пней,
Как будто цыплята
К наседке своей.

Рябые волнушки
Гуляют вразброд,
Лисички-подружки
Ведут хоровод.

Под павшие листья
Груздь тайно проник,
Под кофточку лисью
Присел боровик.

Грибы в пёстрых шляпах
Нагрянули в лес,
И запах, и запах
Стоит до небес.

* * *

Осенняя осина
Опала на ветру,
Как будто с апельсина
Содрали кожуру.

Берёзовые букли,
Окрашенные в медь,
Туманами набухли
И начали редеть.

Черёмухи промокли
Без летнего зонта,
Подсолнухов монокли
Не видят ни черта.

Унылость в беспорядке
Соломенных папах.
Как чучело на грядке,
Я осенью пропах.

СЕНОКОС

Стоит сенокосное вёдро,
Кузнечики стонут окрест,
И тучу в широкие бёдра
Толкает к закату зюйд-вест.

Шуршат монотонные грабли,
Деревня парит вдалеке.
И только мальчишки озябли,
Перекупавшись в реке.

Цветут луговые полотна,
Шмелями гудит медонос.
Шумит широко и вольготно
Набравший разгон сенокос.

И дышится полною грудью,
И с выдохом – боль из груди…
Но схлынет с лугов многолюдье,
Как только нахлынут дожди.

УТРО

Сугробы легли среди улиц,
Где сон безмятежный сморил,
Где зябко деревья обулись
В полотнища снежных бахил.

Над крышами дым колосится,
У печек взыграл аппетит.
Ольха, как вязальная спица,
Вся в кружеве белом стоит.

Зима ещё спит спозаранку,
Примяв снеговую кровать.
Сороки свою перебранку
Ещё не успели начать.

Но скрипнула где-то калитка,
Испуганно дрогнула мгла.
Рассвета хромая улитка
По пухлым снегам поползла.

СОСНЫ

Неприметна среди неприметных,
Эта местность лишь тем и славна,
Что на мшистых её километрах
Корабельная встала сосна.

Золотистые эти деревья
Загляделись в таёжный простор,
Не заметив, что рядом деревня
Забрела на высокий бугор,

Да и что вековым исполинам
Крик её и собачий лай,
Даже птицы стремительным клином
Огибают деревьев край.

Но уж в бурю по вскинутым кронам
Хлещет ветер – напорист и лих,
И ложится на землю со стоном
Та сосна, что слабее других.

Так всегда: вдруг пройдут ураганы,
Свалят сосны, не тронув кусты,
Но другие стоят великаны,
Не пугаясь своей высоты.

РОМАШКИ

К цветам несмелым, полевым
Куда пронзительнее чувство.
Смотри, ромашек белый дым
Лежит в полях светло и густо.

Они привыкли ко всему,
Растут в овраге и в аллее,
И этим сердцу моему
Они других цветов милее.

Люблю ромашковый букет,
Он весь из солнечного света,
Он весь, как сказочный привет
Скупого северного лета.

ПЕЧОРА

Печора не закована в гранит,
Пески ей верно служат берегами.
Над ней сосна весёлая шумит,
Зелёными махая рукавами.

Она нежней, чем я предполагал,
Чиста вода и так протяжны дали,
Как будто я вошёл в огромный зал,
Где рамы навсегда повыставляли.

Соболью спину гнут березняки,
Ветрам полёт указывают ели.
Я представляю, как бы степняки
От этого простора ошалели.

Что степняки, им рощица берёз
Бог весть какой покажется тайгою,
Но я вот тоже к берегу прирос
И ничего не сделаю с собою.

У ОКОЛИЦЫ

Здравствуй, край, луговой и озёрный,
И леса вековые, привет.
Здравствуй, тополь, ты словно дозорный,
У околицы встал за кювет.

Я люблю твой таинственный шелест
И ветвистую крону твою,
Из далёкого края пришелец,
Я тихонько с тобой постою.

Не понять, как по выпуклым склонам
Ты на самую кручу залез,
Неужель парашютом зелёным
Опустился когда-то с небес.

И не мне одному ты по нраву,
Я подумал однажды всерьёз,
Что имеешь ты звонкую славу
Средь окрестных рябин и берёз.

И к тебе они тянутся круто,
И под ветром шумят веселей,
Хорошо быть по нраву кому-то
Средь деревьев, зверей и людей.

РЕЧЕНЬКА

Катится прохладная водица,
Золотым обсыпана песком,
Словно подпоясана землица
Голубым с отливом пояском.

Не тиха, но в меру говорлива,
И в теченье вольном не узка.
Нравом и обличием красива
Небольшая русская река.

Этот путь извилистый и древний
Прорубила шумная вода,
Чтоб всегда прибрежные деревни
Плыли в ней неведомо куда,
Чтобы в яблоках седые кони
Табунами шли на водопой,
Чтобы люди тёплые ладони
Наполняли вкусною водой.

СТАЯ

Небесные трассы короче,
Земные дороги верней...
Как зыбкую нить многоточий
Несёт надо мной журавлей.

И крыльев тяжёлые взмахи
Слышны далеко в сентябре,
Как будто сухие рубахи
От ветра шумят во дворе.

Стою под курлычущим клином,
Один на большое село,
И горло под белым сатином
От птичьего крика свело.

Всё дальше та зыбкая стая,
Всё глуше встревоженный крик.
Засохшие губы кусая,
За ней я иду напрямик.

ЗИМНИЙ ТОПОЛЬ

К ночи вьюга завыла от злости,
Снеговую крутнула юлу,
Снова тополь к нам просится в гости,
Стылой лапкой шурша по стеклу.

Сонный тополь, тебе бы открыли
И пустили погреться в тепле,
Если б ноги твои не пристыли
Поздней осенью к мёрзлой земле.

Но о том не печалься особо,
Ты на севере всё же не гость,
Лучше белую шубу сугроба
На широкие плечи набрось.

И под ней средь пурги и мороза
Пусть сморит тебя сон голубой.
Может, кстати, приснится берёза,
Что когда-то стояла с тобой.

В ГЛУШИ ЛЕСНОЙ

Снежки слетают с веток,
Как стаи снегирей,
Ложатся шалью светлой
На выступы корней.

И с каждой новой стаей
Светлеет вновь в лесу,
Как будто кто бросает
Холодную красу.

Коль одиноким буду,
Припомню этот вид,
Такая грусть повсюду
В пустом лесу лежит.

Ворочается сонно
Меж кочек тишина.
Ни ворон, ни ворона
Не каркнут дотемна.

Шагаю сквозь трясину,
Задев за рукава,
Мне ели шепчут в спину
Хорошие слова.

Ах, вам не догадаться,
Морщинистые лбы,
Что я пришёл скрываться
От собственной судьбы.

ЛУННАЯ НОЧЬ

В золотистую сеть звездопада
Карасём заплывала луна,
Да в аллеи заснувшего сада
Загляделась на что-то она.

На снегу всюду резкие тени –
Так ясны и близки небеса,
Не скрипят под ногами ступени,
Не тревожат покой голоса.

Я люблю это зимнее чудо,
Беспредельную лунную даль,
В эту пору, бог знает откуда,
В душу льётся и льётся печаль.

Но не та, что порой безысходна,
А её золотая сестра,
От которой легко и свободно,
И не спится порой до утра.

ЗИМНИЕ СТЁЖКИ

Боже мой, сколько выпало снегу!
Всё округло, пушисто, бело.
Словно ночью со снегом телегу
В повороте на нас занесло.

Мимо нас проходила дорога,
Где летела повозка зимы,
На скаку покачнулась немного
И рассыпалась в наши холмы.

Раскатилась от края до края,
Никому никогда не собрать.
Поздней осени след заметая,
Улеглась полотняная гладь.

И по ней голубые дорожки
Полетели, тонки и прямы,
Словно молний тугие застёжки
На хрустящей одежде зимы.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Ни кистью, ни словом, ни звуком
Не выразить времени ход,
Когда эта ночь переулком
На цыпочках тихо идёт.

Не скрипнет калиткой тихоня
И след не оставит в пыли.
Но, что-то почуяв спросонья,
В траве завозились шмели.

Вода холодна, неподвижна,
К ней липнет, склоняясь, трава,
И всё так отчётливо видно,
Что днём замечалось едва.

В берёзах на каждой поляне
Прибавили будто «свечей»,
Нисходит на мир обаяние
От северных белых ночей.

ПРОТАЛИНКИ

Как коврики средь горницы,
Проталинки в снегу –
Весна с зимою борется
На солнечном лугу.

Ещё сильней косматая,
Но скоро ей конец,
Девчонка конопатая
Стрижет её овец.

Как сношенные валенки
Обочины дорог,
И вот уже проталинка
На солнце греет бок.

Под ледяною кромкою
Журчит веретено,
Из снега нити звонкие
Прядёт, прядёт оно.

НА РЕКЕ

Здесь склоненные ивы
Над синей водой,
Здесь прохладно
И ветрено-звонко,
И от берега к берегу
Смех молодой
Пролетает
Беспечным стриженком.
И крылами касаясь
Спокойной воды
Будит он
Засыпающий омут,
Где на листьях кувшинок
Три жёлтых звезды
До холодных ночей
Не утонут.
Щука тускло мелькнет
Голубым плавником,
Лунный свет
Испускают сороги,
И стыдливый июнь
За кустами тайком
Плещет воду
На белые ноги.
Вьются стайкой стрекозы,
Шуршат камыши,

Под корягу
Запрятался жерех,
Облаков отражённых
Пустые ковши
Задевают боками о берег.
Коршун круто кладёт
Над водой виражи,
Словно издали
Чувствует это:
Золотистым цыплёнком
У синей межи
В листья спряталось
Раннее лето.

ДЕРЖАВНОСТЬ

МОЯ СТРАНА

Куда летишь, небесная карета,
Куда несёшься, вздыбленная Русь,
Но всё ещё не слышится ответа,
Предполагать я тоже не берусь.

Хотя имею некие догадки
О назначенье, смысле и судьбе,
Сопоставляя прежние задатки,
От размышлений тех не по себе.

Моя страна, ты многих напугала,
Когда крушила церковь и мечеть,
Ломам и тачкам Беломорканала
Ещё в земле столетия ржаветь.

Моя страна, ты стольким помогала
Небесной силой, словом и мечом,
Забыто всё до самого начала,
Никто теперь не помнит ни о чём.

Пока они, над нами зубоскаля,
Остатки дружб бросают в жернова,
Моя страна из стали и дюрали
Клепает то, чем заново жива.

МЕТАМОРФОЗЫ

Печаль не о державе,
Она не пропадёт,
О внутреннем составе
По имени «народ».

Кому пинки и шишки
При каждой кутерьме,
Не потому ли слишком
Себе он на уме.

При всех метаморфозах
Трещал его хребет
На барщине, в колхозах,
От воинских побед.

За прошлые столетья
Народ уразумел,
Что пряником и плетью
Вершат его удел.

При галстуках и шляпах
Никто добрей не стал,
Повсюду волчий запах,
Пугающий оскал.

Ни заповеди божьей,
Ни правды, ни креста,
И кажется, рогожей
Вся жизнь перевита.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Кому – язык общения,
Кому – родная мать,
Источник вдохновения
И способ сострадать.

В его больших владениях
Всё праведно идёт,
Взросло немало гениев,
Оформился народ.

Родной язык, как горница,
Где чисто и светло,
Его дарами кормится
Немалое число.

Его приют, как ризница,
И нашей жизни часть,
К его душе приблизиться,
Как к таинствам припасть.

И печься о величии
Родного языка,
Его окатоличили
Последние века.

Его с краёв оплавили
Жаргоны новых дней.
Защита в православии,
В спасении корней.

НЕ ПОЗАБЫТЬ

Издержки странного пути,
Когда конец дороги скомкан,
Нам нечего преподнести
Немногочисленным потомкам.

Кому досталось, это им,
Отцам воюющим и дедам,
Их кровью мы теперь стоим,
Сверяем путь по их победам.

Всегда охватывает дрожь
Перед лицом великой драмы,
Как пропадали ни за грош
Во вдовьей доле наши мамы.

Другого века зыбь и гладь,
Но память горше и клыкастей.
Не позабыть, не оправдать
На нас свалившихся несчастий.

НА ХОДУ

Часы, заунывно тиктакая,
Считают ворон на суку,
Случалось под тиканье всякое
На нашем суровом веку.

Не то, чтоб жилось припеваючи,
На каждый тревожились стук,
Следы однозначно не заячьи
Всё время петляли вокруг.

Казалось, с тяжёлою раною,
Попали в большую беду,
Страну, словно варежку рваную,
Заштопал народ на ходу.

Недавние братья оттюкали
И Крым и почти по Урал,
Но то, что ещё не профукали,
Народ словно обручем сжал.

Куда уже больше кукожиться,
Пора прежний вид обрести,
Границы прозрачная кожица
Едва успевает расти.

ШАПКА МОНОМАХА

Ещё последний император
Перед войсками на плацу,
Но катастрофы детонатор
Доставлен к Зимнему Дворцу.

Ещё стоят на месте храмы,
Но смута бродит по стране,
Кровавый акт российской драмы
Отрепетирован вчерне.

Придуман дьявольский сценарий
И безрассудно пущен в ход.
Полуголодный пролетарий
Умело выставлен вперёд.

Держава рухнет в два приёма:
По февралю, по октябрю,
И до Ипатьевского Дома
Недалеко уже царю.

Последний путь страданьем вышит,
Стоит держава на кону.
Потом история не спишет
Самодержавную вину.

Всего лишь месяцы до краха,
Судьба – не в царском рукаве,
Наверно, шапка Мономаха
Была не к этой голове.

ПРИКИДКИ

От смертельного страха
Содрогнулось нутро,
Как кровавая плаха,
Чьё-то место в метро.

Современные гунны
Потянулись от гор,
Их устои чугунны,
Сквозь прицел разговор.

Появились шахидки
С беспощадностью всей,
Может, это прикидки
Для чего-то страшней.

Может, где-то зловеще
Зреет дьявольский план,
Чтоб в кровавые клещи
Затащить россиян.

Метастазы террора
Всё растут и растут,
Ощущенье, что скоро
Лопнет гнева сосуд.

От смертельного страха
Содрогнулась страна...
Ни Христа, ни Аллаха,
Правит бал сатана.

НА ВЫДОХ

Время, как всегда, сурово,
Путь, как водится, тернист,
За критическое слово
Не дадут похвальный лист.

Всё мрачнее посиделки,
И язвительней язык,
Всё быстрее крутит стрелки
Торопливый часовщик.

Распахнуть бы душу настежь,
Жить по сердцу, по уму,
Только б знать, что свет не застишь
Никогда и никому.

Только б вырвалось на выдох
Ощущенья торжество,
Что во всех возможных видах
Не обидел никого.

СТРАННИКИ

Наши ангелы, странники века,
Облетев половину земли,
Из гудящего в небе отсека
Вместе с нами по трапу сошли.

Мы в кабины вас рядом сажали,
Вы не знали покоя и сна,
Ели, пили на сизой дюрали,
Прелесть неба изведав сполна.

Терпеливо вы ждали погоды
Вместе с нами в туманные дни,
И летели, летели сквозь годы,
Пристегнув привязные ремни.

ОГРОМНОСТЬ

Певучее нашей тальянки
На свете, наверное, нет,
Ещё получаются танки,
Ракеты, стихи и балет.

Ещё мы в фигурном катанье,
В хоккее и лыжах сильны,
А песни, а жаркие бани,
А сказки… Им нет и цены.

Отвага есть в каждом мужчине,
Есть воля и сила в горсти,
А женщины наши – богини,
Им равных нигде не найти.

Из самых больших привилегий –
Могучая наша зима,
Людей, не слыхавших о снеге,
Она потрясает сама..

Здесь часто загадочный гений
Примеривал крыльев размах,
И всходы больших заблуждений
Взрастали на тех же полях.

РАССТАВАНИЕ

Союз – коммуналка,
Общинный народ.
Расстаться не жалко,
Но совесть грызёт.

Ведь всё-таки жили
Единой семьёй,
Но нет в прежнем стиле
Квартиры самой.

Былого простора
В наличии нет,
Предметом укора –
Прервавшийся след.

Былое в распыле.
Мучительно жаль,
Что зря нас манили
В прекрасную даль.

Не ждали, что рухнет
И крыша, и дом,
Дежурный по кухне
Прошляпил кругом.

Но помнятся годы
У общей плиты.
Другие народы
Наводят мосты.

ВЗАМЕН

Осеннее небо, как сусло,
Не морщится лужиц стекло...
Вот так бы и время загусло,
Чтоб медленней в Лету текло.

Вот так бы, покуда не спится,
Струился поэзии свет,
И так под рукой живописца
Рождался любимой портрет.

Вот так бы при каждой примерке
На лучший менялся наряд,
Но хлопают времени дверки,
Но поршни событий частят.

Есть возраст глубинного сдвига,
Как будто сместятся пласты,
Душа отряхнётся от ига
Условностей и суеты.

Душа не событий запросит,
А лада и тёплых колен,
В награду за свежую проседь,
Превратностям века взамен.

ДЕРЖАВНОСТЬ

То узнавалось не из хроник,
Что скверно выглядят дела,
Шагнув ногой на подоконник,
Страна в испуге замерла.

Казалось дело безнадёжным,
Казалось гибельным оно,
И духом варварским, острожным
Пахнуло Родине в окно.

По ходу времени и жизни
Какой фигурой надо быть,
Чтоб погибающей Отчизне
Без оговорок послужить.

Чтоб осторожно понукая,
Держа события в горсти,
Страну, стоящую у края,
На расстоянье отвести.

Утихомирить дух бунтарский,
Не дать отчаянью согнуть.
Когда-то Минин и Пожарский
Такой нащупывал и путь.

УДЕЛ

Натянутые вожжи
Нельзя бросать у нас,
Жалеть об этом позже
Придётся много раз.

Рисковому народу
Подай огонь и лёд,
А посули свободу,
На крайности пойдёт.

Быть может, это в генах:
Величье и простор,
При всяких переменах
Идти наперекор.

Тысячелетний опыт
Не раз твердил о том,
Что даже тихий ропот
Опасен мятежом.

Обманывала вялость
Начального пути,

Ещё не получалось
Срединою пройти.

Духовного бессилья –
Опасная черта,
Храни себя, Россия
От этого креста.

ВРЕМЯ РАССУДИТ

Уляжется пыль на дворе,
Закончатся грязные свары,
О грозной и смутной поре
Напишет страна мемуары.

Поднимет истории пласт,
Вскрывая, как чёрную вену,
И всем по заслугам воздаст
За подлость, за ложь, за измену.

Со временем правда всплывёт
Во всей неприглядности гадкой,
Не всё, но узнает народ
О том, что творилось украдкой.

Узнается всё без прикрас,
Кто чем во властители вылез,
Кто нас долбанул о Кавказ,
Да так, чтоб все кровью умылись.

Всплывёт и мотив, и цена,
Когда уличат в вероломстве,
Когда-нибудь их имена
Ославлены будут в потомстве.

Не страшен истории тлен,
По-своему время рассудит.
Кто поднял Россию с колен,
Тех тоже народ не забудет.

НЕПОХОЖЕСТЬ

Как прожить от упрёков не ёжась,
Быть со всеми людьми наравне,
Сохраняя свою непохожесть
Каждой клеткой, в любой стороне.

Как прожить не коряво, не куце,
Не зависеть от чьих-то причуд,
И смертельно о то не споткнуться,
Что любовью земною зовут.

Как прожить не уныло, не пресно,
Не довольствуясь скудным пайком,
И при случае яростно треснуть
По всему бытию кулаком.

Как прожить без случайных истерик,
Не терять путеводную нить,
На другой, на таинственный берег
Своевременно, тихо уплыть.

ПОДАРОК

И в годы лихие,
И в те, что тихи,
Есть века стихия,
Но есть и стихи.

Душе, как разрядка,
Нужны и они,
Как ни было б гадко
В какие-то дни.

Любовь и разлуку
Возвысят собой,
Смертельную скуку
Развеют строкой.

Поранят навскидку,
Потом исцелят,
Откроют калитку
В пленительный взгляд.

Какое же чудо
Нам жаловал Бог –
Мерцанье сосуда
Лирических строк.

ПОТОКИ

В те годины лихие,
Без особых надежд,
Господа из России
Потекли за рубеж.

Покидали пенаты,
Верный шанс ухватив,
Кто в далёкие Штаты,
Ну, а кто в Тель-Авив.

Уезжали навеки
От тюрьмы, от сумы.
Не глупцы, не калеки,
А большие умы.

Даже некая жалость
В том исходе была,
Что страна не держалась
За людей ремесла.

Им слова ножевые
Были брошены вслед.
И вернулись иные
По прошествии лет.

Но осталась двоякость
От такой беготни,
Словно некую пакость
Совершили они.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

Светла Рождественская ночь,
Звезда мерцает за звездою,
Забыться чуточку невмочь,
Всё разбираешься с собою.

Припоминаются места,
Где по старинному завету
В мальчишках славили Христа
За пирожок и за конфету.

Скрипела дверь на детский стук.
Изба дышала пирогами.
Хозяйкам было недосуг
Возиться долго малышами.

Но доставали из печи,
Таков неписаный порядок,
И нам дарили калачи,
Не отпуская без колядок.

Не понимавшим до конца
Предназначенье ритуала,
Овалы детского лица
Небесным светом озаряло.

Долга Рождественская ночь,
Воспоминаний вереница...
Их не относит время прочь,
Давая повод восхититься.

ПОДОБИЯ

Стихи – условность, как балет,
Как опера, как клоунада,
Но если в очи дивный свет,
То что ещё для сердца надо.

Но если дрогнет всё внутри
От слов, от музыки и танца,
В душе мятущейся сотри
Следы хоть малого изъянца.

Всем совершенством напоись
Мотивов, пластики и слова,
Всё существо наполнит высь,
Как неподдельная основа.

Стихи – реальность, как рассвет,
Что всяких вымыслов живее.
Они как зыблющийся след
Летящей бабочкой Психеи.

НРАВЫ

Кого-то обвиняли в конъюнктуре,
Кого-то в злонамеренной стряпне.
Потребности в большой литературе
Давно не ощущается в стране.

Наверно, чертыхаться некрасиво,
И выставлять безвкусицу на вид,
Но всё-таки засилье детектива
Кой-что о наших нравах говорит.

Пока есть место мелочной халтуре,
Пока в искусство лезет пустоцвет,
В большой, не на сезон, литературе
Потребности и надобности нет.

ДВЕ ЖИЗНИ

Наполовину не отцветши,
По скосу тонкого крыла,
Одна неслась по-сумасшедши,
Другая струйкою текла.

Одна гремела водопадом,
Пока металась по стране,
Была другая с нею рядом,
Но пребывала, как во сне.

По широченной амплитуде
Судьба раскачивала их,
Где, как в дюралевом сосуде,
Хватало места для двоих.

Свело их истинное чувство,
Когда на многое готов,
Рассудочность и безрассудство
Их заполняли до краёв.

Ещё их общею приметой
Была, как вызов, тяга в высь,
В конце концов, на почве этой
Они в единое слились.

ЖЕНЩИНА

Упоительные речи
О лилейной красоте…
Те же руки, те же плечи,
Те же губы, да не те.

На порядок совершенней
Были созданы творцом,
Словно живописи гений
Над её корпел лицом.

Чтоб от нежного овала,
От бровей высоких дуг,
Сердце разом замирало,
Выпадало всё из рук.

Чтоб от облика и взгляда
Исходило волшебство,
Как от тайны звездопада,
Что от мира не сего.

А ещё Господь добавил
То, чего в мужчинах нет –
Величайшее из правил,
Материнства дивный свет.

КАК У ВСЕХ

Жизнь не в самом разгаре,
Но ещё на кону,
Я ещё в Сыктывкаре
В светлом взгляде тону.

Не всегда при параде,
До смешного земной,
Но поэзии ради
Не стою за ценой.

Век бредёт косолапый,
Наступая на нас,
Кто успел, тихой сапой
Запорхнул на Парнас.

Всё обыденней было:
И провал, и успех,
И природная сила
Поднимала, как всех.

Увязая на склонах,
Выбиваясь из сил,
Сколько капель солёных,
Как золу, проглотил.

Жизнь не в самом разгаре,
Но ещё на плаву,
Я ещё в Сыктывкаре
Для кого-то живу.

ЛЕТО

Где в зиму скользили на лыжах,
Там лета хмельной аромат,
И стайки ромашек бесстыжих
По-кошачьи в спину глядят.

Зенит ослепительно перист,
В разводьях на глади рябой,
Так рыбы проходят на нерест,
Следы волоча за собой.

Плетётся по склону кустарник,
Совсем разомлев от жары,
По грудь натянув накомарник
До самой прохладной поры.

В зелёное то изобилье
Упасть бы, не чувствуя ног,
Представив, что вещие крылья
Несут над суглинком дорог.

ГОРЕЧЬ

Бывает горько от обид,
От оговора, от измены,
Никто сильней не оскорбит,
Чем те, с кем были откровенны.

Общался с кем накоротке,
Всё сокровенное не пряча,
С кем на рискованном витке
Разъединила неудача.

С кем выходил на ломкий наст
Непредсказуемых событий,
Не представляя, кто предаст,
Порезав дружеские нити.

И вспоминаешь горький час
С неутешительною басней –
Кто знает многое о нас,
Непосвящённого опасней.

БЛИЗКОЕ

Кто ласточки крылатей,
Проворней воробья…
К пернатым без изъятий
Всегда привязан я.

Кто бабочки воздушней,
Раскованней, пестрей,
Кузнечика тщедушней,
Прыгучей и резвей.

Давнишняя привязка
Природного угла,
И лет густая ряска
Всё то не оплела.

Всех льющих рядом звуки
Под сводом летних зал
Без слова на поруки
Я с радостью бы взял.

И ворона, что каркнет
Не к месту и не в час,
И дятла в хвойной арке,
Долбящего в запас.

И чьи-то подголоски,
Рулады и свистки.
Мы Господа наброски
Различьям вопреки.

ДУША ПОЭЗИИ

Изящна поэзия зрелости,
В ней музыка, хмель и расчёт,
Прошли времена неумелости,
Свободнее мысли полёт.

Искусна поэзия старости,
В ней века и мудрости свет,
Она не заплачет от ярости,
Когда потеряется след.

А сколько ещё не озвучено,
Что с нею бывает в тиши.
То русло она, то излучина
Одной человечьей души.

То вольная птица, то узница,
Заступница или судья,
Во всех ипостасях искусница,
Но в разные сроки своя.

СКИТАЛЕЦ

Его судьба – простая баба,
Скитавшаяся по углам,
Поэт российского масштаба,
Не знающий об этом сам.

Его насупленные брови
Природе северной сродни,
И прорывались в крепком слове
Его скитальческие дни.

Он сам своё предназначенье
Осознавал не до конца,
И только странное свеченье
Смягчало контуры лица.

Бывал ершист и неудобен,
И, не рассчитывая сил,
Немало жизненных колдобин
Он, не заметив, проскочил.

Скитаний, выпавших на долю,
Ему хватило на земле.
Как арестант, познавший волю,
Бывал и он навеселе.

Не документ, не слух досужий
Не даст на прошлое ответ,
Загубленный житейской стужей,
Печальной памяти поэт.

О МУЖЧИНАХ

Иметь лицо суровой лепки,
Не объяснять рисковый путь,
И не оставить ни зацепки,
В чём можно было б упрекнуть.

Не выставлять, что сердце гложет,
Жить вне обычаев и схем,
И что Бог на душу положит,
Уже довольствоваться тем.

Блаженным глупостям не вторить,
Не проходить чужой маршрут,
И помнить всюду, что вдругорядь
На белый свет не призовут.

Что путь земной пройти не просто,
Не разорвав запретный круг,
Что надо жить без перехлёста,
Без истерических потуг.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Душисто пахло сеном
И было не уснуть,
С едва заметным креном
Струился Млечный Путь.

Всё в мире отдыхало,
До каждого листка,
Лишь ветра опахало
Колышалось слегка.

Прерывисто и сипло
Дышал уснувший сад,
И время будто влипло
В небесный циферблат.

ВЕСНА

Звонкий прозрачный день,
Март закусил удила,
Дышит теплом ступень,
Где ты теперь прошла.

Запахи фей и роз,
Новых надежд ростки,
Слухами день оброс,
Тихо поют смычки.

Ноты весна берёт,
Не опуская глаз,

Так переходят брод
Явно не в первый раз.

Явно ей путь знаком
В гуще тщеты земной,
Но не сфальшивь смычком,
Не покриви душой.

Вейся, клубись, весна,
Средства все хороши,
Чтоб пробудить ото сна
Светлый родник души.

ГЛАЗА

Без скромной заминки –
Чарующий взгляд,
Глаза из косынки,
Как пара чертят.

Смеются и плачут,
Дерзят и зовут,
Заветное прячут
В секретный сосуд.

Весной намагничен
Сияющий взгляд,
Как пара черничин,
Зрачки ворожат.

Случайная встреча,
Откинута прядь.

Судьбе не переча,
Есть повод вздыхать.

Улыбка проскочит,
Как чистый огонь,
Любуйся, кто хочет,
Руками не тронь!

Слова без запинки,
Но губы дрожат,
Глаза из косынки
О всём говорят.

СЕВЕРЯНКА

Располагающая внешность,
Закат над Вычегдою тих.
Мой Сыктывкар, твоя неспешность
Заворожила не одних.

Твои бугристые предплечья
Топорщат зелень пиджака,
Немногих жителей Заречья
Несёт на палубе река.

А наверху, тенистым парком,
Гуляет шумно молодёжь.
Со всеми ты в наряде ярком
Легко и весело идёшь.

Вся, сразу видно, северянка,
В тебе притворства ни на грамм,
Когда приветливо и манко
Бежит улыбка по устам.

Как цвет черёмух, белокура,
Не затеряешься в толпе,
А от лукавого прищура
Мужским сердцам не по себе.

На фоне зелени и башен
Сияет женское лицо.
Мой Сыктывкар тобой украшен,
Как бриллиантами кольцо.

КАК ЕСТЬ

Был не выдержан в праздники,
Лишь бокал поднеси,
Так не меньше проказники
Есть у нас на Руси.

Ну, парил в небе птицею,
Прял поэзии нить,
Ну, любил светлолицую.
А чего ж не любить?!

Ну, не вышел в подвижники,
Не попал в вожаки,

Обстоятельств булыжники
Придавили ростки.

Не касался политики,
Бегал, как от огня,
Вездесущие критики
Есть вокруг без меня.

Жил с собой не сюсюкая,
Чтил житейский канон,
И смертельною скукою
Был не раз обойдён.

ДАР

Живёшь ли с именем одним,
Иль чувство вспыхивает снова,
Любовь, быть может, псевдоним
Чего-то вечного, большого.

Свободен или пригвождён
Жить в многочисленном составе,
Любовь, быть может, только сон,
Переместившийся из яви.

Замкнёшься или всё отдашь
За кратковременную вспышку,
Любовь, быть может, только блажь,
Переходящая в интрижку.

Бывает, чувства всё затмив,
Тускнеют будничными днями.
Любовь, быть может, просто миф,
Превратно понятый сердцами.

Пока ты любишь, ты не стар,
Силён в минуты роковые.
Любовь, быть может, божий дар
За наши тяготы земные.

ПРИНЦЕССА

Хотела за принца,
Была хороша,
Нашла разночинца,
Почти без гроша.

С лицом рудознатца,
Совсем без угла,
Сама отказаться
Тогда не могла.

Пошла не без страха.
Что будет потом?
Но парень – рубаха
И грудь колесом.

Не жить безрассудно
Старалась она,

Семейное судно
Держала одна.

Смеялась и пела
Сквозь слёзы и страх,
И всякое дело
Кипело в руках.

И если на принцип,
Известен процесс,
Что дело не в принцах,
А в силе принцесс.

С НАТУРЫ

Приёмный пункт макулатуры.
В него под денежный расчёт
Окрестный люд, наверно, сдуру
Гюго и Гегеля несёт.

Бумага в папках и развалом,
Тюки, тяжёлые тома,
И в них товаром залежалым
Плоды непраздного ума.

Закрутка дел из-под охраны,
Что раньше тайною была,
И сногсшибательные планы,
Не воплощённые в дела.

Давно ль, хотя и в прежнем веке,
Читали все, хоть не о всём,
Иметь свои библиотеки
Считалось модным ремеслом.

Чему-то место в этой куче,
Где всё смешалось, как труха,
Что с появленья не живуче,
Как детективов вороха.

Жаль уходящую натуру
И расточительности зуд,
Того гляди, в макулатуру
И нашу классику снесут.

ГОДЫ НЕ СОТРУТ

Какая цепь ошибок,
Не заблуждений, нет,
Когда весь мир был гибок,
У нас трещал хребет.

Не нянчились с народом,
Бивали, так числом,
Другие шли обходом,
Мы пёрли напролом.

Пытались брать нахрапом
Вершины всей земли.
Колонной и этапом
В бессмертие ушли.

Горели поневоле
За каждый трудодень
Кровавые мозоли
Российских деревень.

Забывшие о Боге,
Предавшие царя,
Мы выдохлись в дороге
Под ветром Октября.

Безмерная работа,
И годы не сотрут,
Как шёл народ без счёта
На подвиг и на труд.

СЕБЯ НЕ ПОТЕРЯВ

Россия, Русь в девичестве,
Припомни славы дни,
Себя от грязи вычисти
И душу сохрани.

Сними платки старушечьи,
Смени былой наряд,
Из тьмы столетий русичи
Взыскующе глядят.

От них дорога мглистая,
Ты шла по ней не зря,
Немалое заимствуя
И многое даря.

По всем законам вечности
Ещё ты молода,
Хотя твои ровесницы
Исчезли без следа.

Ты избежала участи
Поверженных держав,
Не потеряв певучести,
Себя не потеряв.

УГРОЗА

Смиренье и натиск стихии
Величье и путь без следа.
Не знать настоящей России –
Всеобщая наша беда.

Не знать, чем отечество дышит,
Не знать, чем Россия живёт...
Как прежде: – Губерния пишет...
А что, не читает народ.

Всё явственней грани раскола.
И трещина новой вражды
Такие слои пропорола,
Что близко уже до беды.

Смиренье и натиск стихии,
Кипенье и мутная гладь...
Не раз уже люди лихие
Пытались страну обуздать.

В ответ равнодушье и холод,
Вражда и глубинная желчь.
Друг друга не взять бы за ворот
И всё, что имеем, не сжечь.

ПОСТУПЬ

Без шапки, в пальтишке приталенном
Весна переулком летит,
Где солнце по первым проталинам
Влечет её, словно магнит.

Всем обликом рдеет и светится,
Как ясное утро свежа,
За пылкие чувства ответчица,
Поступкам своим госпожа.

Плутует, смеётся и дразнится,
Такую случайно не тронь!
Не скажешь, что слишком проказница,
Но всё ж не из самых тихонь.

В её ослепительной поступи
Природы глубинная суть.
Такою продли её, Господи,
Не дай хоть кому-то вспугнуть.

ДОБРОТА

Языком не корявым,
Чистой линией лба,
Уважительным нравом
Наградила судьба.

Он пришёл незаметно,
Так же тихо уйдёт,
Дуновением ветра
Просквозит у ворот.

Никого не заденет,
Никому не сдерзит,
Не предаст из-за денег,
Не припомнит обид.

Не разрушит устои,
Не поставит преград,
Отработает вдвое,
Словно сам виноват.

Отгребёт втихомолку,
Не качая основ.
От таких больше толку,
Чем от всех болтунов.

Путь для всех одинаков
До известной черты,
Никого не оплакав,
Не постичь доброты.

ЧТЕНИЕ

Стихи продлевают года,
Наводят румянец на щёки,
Читая стихи хоть когда
Не будете вы одиноки.

Смягчают и душу, и взгляд,
Иных заставляют поплакать.
Возможно, судьбу укрепят
Поэзии мышцы и мякоть.

Они как желанный привал
На трудной житейской дороге,
Для тех, кто о всём забывал,
Когда-то напомнят о Боге.

Стихи продлевают года,
Как дивная сила колодца.
Читайте стихи, господа,
Вам это когда-то зачтётся.

ОСЕННИЙ ДУХ

Где-то плещется море,
Где-то пальмы шумят,
А у нас на заборе
Две вороны галдят.

Липнут белые мухи
Октябрю на рукав,
Зиму ждут развалюхи,
Всё на свете проспав.

Где-то лают собаки,
Лай считая за труд,
И бесшумно во мраке
Чьи-то тени снуют.

Проникающий холод
Лезет вверх, на чердак,
Остывающий город
Темнотою набряк.

Далеко из Сибири
Жгучий ветер проник,
Побродил по квартире
И забился в тайник.

За ночными домами,
Меж глухих сараюх,
Всё сужаясь, кругами,
Бродит осени дух.

БЫТЬ ПОНЯТЫМ

Мир ценит отвагу и смелость,
Железную волю и стать,
Ах, как иногда мне хотелось
Себя по щекам отхлестать.

За то, что дружил с бескорыстьем,
Где нужно, не тратил чернил,
И жизнью, как дождик по листьям,
Неслышно для всех проходил.

Уйдёшь и захлопнутся двери,
Земной оборвётся маршрут,
Как водится, спишут в потери,
Как принято, вдрызг помянут.

Возможно останется имя.
Дай Бог, по прошествии дней,
Чтоб кто-то устами живыми
К душе прикоснулся твоей.

БЫТЬ ВСЕМУ

Ещё всё может в жизни быть,
Хотя давно уже не двадцать,
И Музе голову вскружить
Уже, наверно, не удастся.

Но кладезь памяти не пуст,
В нём всё ещё свежо и живо,
И, может, хватит прежних чувств,
Чтоб уберечься от надрыва.

Ещё всё может в жизни быть,
Готов теперь хоть в чём поклясться,
Способность верить и любить,
Как несмываемая клякса.

РАССТАВАНИЕ

Сниму с крючка пальто,
Скажу с порога тихо:
– Простите, если что,
Не поминайте лихом.

Была открыта дверь,
Сюда я не ломился,
Обидно, что теперь
Я здесь не пригодился.

Вы скрасили удел
Привязанностью краткой,
И я переболел
Сердечной лихорадкой.

Мальчишеский задор
Пожар осенний выжег,
А с ним любовный вздор,
Полученный из книжек.

Теперь бы пренебречь
Обидой в сердцевине,
Игра не стоит свеч,
Не в будущем, не ныне.

Забыть и в этот раз
Случайное по сути.
Не гневаюсь на вас,
И вы не обессудьте.

ИНТЕРЕС

Поезд мчится за лесом,
Подаёт голоса,
И с большим интересом
Шуму внемлют леса.

Просмолённое ухо
Ели разом вострят,
Их влечёт заваруха
И вагонов надсад.

Тишины интересней
Набегающий вал,
То с колёсною песней
Мимо мчится металл.

Дни привычные скрасить
Что-то лесу должно,
Если рядом есть насыпь
И пути полотно.

В налетевшем бедламе
Лес оглох в стороне,
Только машет ветвями
Пассажирам в окне.

РАНЬ

Опять ко мне стучатся
Всё громче и сильней,
Опять не знает часа
Поэзия полей.

Ну, чтобы заблудиться
В тумане у реки,
Пропасть, где медуница,
Ромашки, васильки.

Где у берёз из пазух
Исходит теплота,
Где, как в старинных сказах,
Волшебные врата.

Так нет, самой не спится
И людям не даёт,
Тоскующая птица,
Предвестница забот.

Ну что ж, входи, врывайся,
Звени строкой в груди,
В раскачке звёзд и вальса
В бумагах наследи.

ПО-ДРУГОМУ

Сердце лишь тобою грезит
В неизбывной ворожбе,
Ничего в башку не лезет,
Кроме мыслей о тебе.

Отчего ж тебе не близок,
А ведь были б два крыла,
Отчего ж ты лёгким бризом
Мне по сердцу протекла.

Я-то думал, грешным делом,
Что и я тебе не чужд,
Что потом единым целым
Будет нежность наших уст.

Но случилось всё иначе,
Расцепились два кольца…
Ничего теперь не значит
Грустной памяти пыльца.

СУЖДЕНО

Я боюсь аналогий,
Вдруг судьба поднесёт
Безотчётной тревоги,
Бесполезных хлопот.

Где весенняя алость,
Золотая насквозь,

Что куда подевалось,
Что откуда взялось.

Суждено запинаться,
Уколовшись о взгляд,
И когда восемнадцать,
И когда шестьдесят.

Набегающий воздух
Остужает висок
Без поправки на возраст,
Без отсылки на срок.

ПРИЧУДЫ

Растеряны словесники
От нынешних причуд,
Грушевские и резники
За классиков слывут.

Когда-то Нестор Кукольник
Близ Пушкина блистал,
Господь, в делах не путаник,
Всем место указал.

История известная,
Бывавшая не раз,
И всё же интересная,
Кто взвёл их на Парнас.

ГОД

Год, схожий с октябрём,
Коварен и капризен,
Предчувствия ребром
Прибит он на карнизе.

От жизни отрешён,
Рассудку не подвластен,
Год движется, как сон,
Таинственный отчасти.

Его угрюмый ход
Почти непредсказуем,
Обидой ли кольнёт,
Ожгёт ли поцелуем.

Случайностей на нём
Навешано без счёта,
Год, схожий с октябрём,
Начало поворота.

Год, изменивший суть,
Вцепившийся, как ноша,
Ему в глаза взглянуть –
Невольно отшатнёшься.

В запасе всех времён
Есть срок хорошей встряски.
Нам год преподнесён,
Наверно, для острастки.

ЗА ОБЛАКАМИ

Нас несёт могучий парус,
Словно пущена стрела,
Облаков последний ярус
Оторвался от крыла.

Запотел иллюминатор,
Словно филина бельмо,
В зев турбины, словно в кратер,
Небо падает само.

Высоко от зимних хмарей
Солнце в лица прямиком,
Фантастический солярий
Под небесным колпаком.

Только качка и гуденье,
Только воздух неземной,
Только пристальное бденье
За приборною доской.

КЛЮЧ

Жизнь проходит размеренно,
Не теряя следа,
Но она не уверена,
Что так будет всегда.

Что тепла лучезарного
Хватит ей на судьбу,
Что протапливать заново
Не придётся избу.

Что любая особица
Ей аукнется так,
Что вся жизнь покоробится,
Как размытый овраг.

И от взгляда предвзятого,
Что суров и колюч,
Как сокровище спрятала,
От грядущего ключ.

ВОЛЬНИЦА

ХУДОЖНИК

Непритязательный художник,
Что сам себя предначертал,
Взрастёт везде, как подорожник,
Как березняк и краснотал.

Его глубинные приметы
На расстоянии видны,
Мерцаньем внутреннего света,
Идущем с каждой стороны.

Неприсобленностью красок
Ко вкусам мелочных людей,
И отметаньем всяких масок,
И отторжением идей.

Сосредоточенный художник
С уравновешенным умом
Боится встреч пустопорожних
И разговоров ни о чём,

И если рухнут чьи-то школы,
Предначертаньям вопреки,
Не пропадут его глаголы
И не иссякнут родники.

ОПОЗДАЛИ

Болтается лист запоздалый,
Оторванный ветром на треть,
И мы опоздали, пожалуй,
Сорваться и вдаль улететь.

И мы засиделись на месте,
Хотя порывались в полёт,
Не выпали козыри-кресты,
Не вышло хороших погод.

И мы на подъёме зависли,
Смирив увлечённости зуд,
И странные, странные мысли
По этому поводу жгут.

О том, что неплохо б увлечься
Во всю запоздалую прыть,
Всей сущности жизни переча,
По-новому судьбы скроить.

Возникнуть в иной ипостаси,
Увидеть другие миры,
Ведь что-то осталось в запасе
До самой последней поры.

ПУСТОТА

Густая осенняя слякоть…
Из жизни уходит поэт.
Две женщины могут оплакать,
Кто мог ещё, уже нет.

Он всех растерял по дороге,
Рассыпал, как соль, по судьбе.
Последняя дума о Боге,
Последняя мысль о себе.

Когда-то в расцвете таланта
Он многих стихами вознёс,
Из них только два бриллианта
Остались для траурных слёз.

Когда-то надежду лелеял,
Ещё не взглянувши во тьму.
Что ценные зёрна от плевел
Удастся очистить ему.

Очистил. И в радужном блеске
Разительна их чистота.
Вот только отпраздновать не с кем,
Такая вокруг пустота.

ДОЛГИ

Однажды некстати,
Но так неспроста
Предъявят к оплате
Былые счета.

Не так уж и мало
Натикало там,
Судьба не дремала,
Идя по пятам.

Копила крупицы
Просроченных слов,
Теперь откупиться
Нельзя от долгов.

При данности этой
Не знаешь и сам,
Какою монетой
Платить по долгам.

Что брал, поистратил
На мелочный быт,
А время, как дятел,
О долге долбит.

ВОЛЬНИЦА

Согнувшись в три погибели,
Шагнуть через порог,
Как будто почву выбили
Ударом из-под ног.

Взбираться на обочину,
Ворачиваться вспять,
И взгляды, как пощечину,
От встречных получать.

Предчувствовать неладное –
Полезный дар почти,
Чтоб самое надсадное
В себе перенести.

И так немало ряженых
Слоняется вокруг,
А сколько не прилаженных
К простой работе рук.

Судьба, на волю вывези,
Исполни свой обет,
Быть столько лет на привязи
Терпенья больше нет.

От всех забот уволиться,
От дела отойти…
Всегда прельщала вольница,
Размашистость пути.

ПОЕДИНКИ

В умолкающем гуле –
Набегающий срам,
Мы в финале продули
Похитрей игрокам.

Начинали на равных,
Были так же сильны,
Шли без козырей явных
Ни с одной стороны.

С переменным успехом
Шла большая игра.
К нашим давним прорехам
Ключ нашли мастера.

Может, были не в форме,
Был в системе изъян,
В разразившемся шторме
Подкачал капитан.

Что напрасно судачить,
Надо силы беречь,
Дать при случае сдачи,
Так, чтоб голову с плеч.

СЕМИДЕСЯТЫЕ

Какое было время,
Семидесятый год…
Ещё сомнений семя
Не брошено в народ.

Ещё свежи победы,
Расставлены вожди,
И кажется, что беды
Остались позади.

Угар ошибок прежних
Развеяла страна,
Здоров товарищ Брежнев
И власть ещё сильна.

Ещё не все медали
Собрал на грудь генсек,
Ещё взахлеб писали
О повороте рек.

Враждебного подкопа
Не виделся пролом,
Восточная Европа
Почти под каблуком.

Великие почины
Рождались через день,

Предвестники кончины
Колхозных деревень.

Любой партийный пленум
Могуч, как ледокол,
Хотя с заметным креном
Корабль советский шёл.

ПОЭТИЧЕСКАЯ КУХНЯ

Чтоб шли стихи до сердца,
Их надо подстегнуть,
Немного кинуть перца
И пряностей чуть-чуть.

Не повредит горчица,
Плюс специи слегка,
Пускай разгорячится
Разгонная строка.

Никак нельзя без соли,
Хоть малую щепоть,
Комок душевной боли
Туда же измолоть.

Немного просторечья,
С солёностью и без,
Но надо остеречься
Плетения словес.

Совсем как бы случайно
Фривольности намёк,
Чтоб маленькая тайна
Витала между строк.

Без всякого рецепта
Экспрессии слова,
Для пущего эффекта
Подбросить озорства.

Любовного напитка –
Не жадничать, сполна,
Но только без избытка,
Но лишь не допьяна.

Всё как бы по наитью
Со смыслом заодно,
Но всё искусства нитью
Должно быть скреплено.

Когда в стихах особость
И свой на вещи взгляд,
Они любую пропасть
К сердцам перелетят.

ОБЩЕНИЕ

Он о хрупкие плечи ушибся,
Укололся о пристальный взгляд,
Словно женщина эта из гипса,
А в ресницах иголки блестят.

Он хотел светлый локон потрогать,
Прикоснуться рукою к руке,
Но холодное слово, как коготь,
Резануло покров на виске.

Изо всех своих давних привычек
Он не очень стыдился одной,
Никогда не любить истеричек,
Обходить их всегда стороной.

Вот и эта, глядит и не видит,
Отведя непокорную прядь,
Ничего из общенья не выйдет,
Но как тянет его продолжать.

ИЗ ПАМЯТИ

Вспомнится поле с соломою,
С запахом хлеба жнивьё,
Всё до озноба знакомое,
Всё без остатка своё.

Давнее будет соседствовать
С тем, что потом натекло,
С грустью увидится детское,
Как в колдовское стекло.

Вспомнится девочка-золушка,
Та, что напротив жила…
Всё до последнего колышка
Жизнь, как пургой, занесла.

Вспомнится дальнее, дальнее,
Что уже в дымке времён,
Бабушки слово прощальное,
Мамы последний поклон.

Вспомнится крест за оградою
В длинном печальном ряду,
Может, кого-то обрадую,
Если туда же уйду.

ОТКРОВЕННО

Притворяться не станем,
Что чисты до конца,
Что ничто в женском стане
Не волнует сердца.

Лицемерить нет смысла,
Видит всё и сама,
Что бровей коромысла
Просто сводят с ума.

То, что мы не бесполы,
Есть божественный след,
Ни вины, ни крамолы
В этом всё-таки нет.

Не беда и не благо,
Что не жить без неё,
Есть природная тяга,
Остальное – враньё.

СТРОФЫ

1.

Я как старый запущенный сад,
Где повсюду разросся шиповник,
Где давно фонари не горят
И цветы не сажает садовник.
В том саду запустенье и мгла,
А по осени просто уныло.
В том саду ты давно не была,
Да и то – ничего не забыла.

2.

То ли чёрт испугался молитвы,
То ли ангел подставил крыло.
Их теперь, как по лезвию бритвы,
По черте роковой пронесло.
Вихрем времени вниз не столкнуло,
Не отбросило с силой назад.
Только зябко от встречного гула
Опалённые веки дрожат.

3.

Ничто капиталы и власть,
Когда есть на свете другое –
Вдруг в дивные очи упасть,
За грудь зацепившись рукою.

Ничто знаменитость и лоск,
Что силой иные достигли,
Всё это, как призрачный воск,
Растает у времени в тигле.

4.

Ночами подушку не комкай
И с прошлым так сразу не рви.
Самой ведь хотелось негромкой,
Спокойной и ясной любви.
Самой ведь хотелось сорваться
И в сильные руки упасть,
За всю свою жизнь насмеяться,
От счастья наплакаться всласть.

5.

Я уже на рожон не полезу
И мечтательный взор не вспугну,
Время, словно резцом по железу,
Настрогало в виски седину.
Сердце стало совсем молчаливо,
Повидало всего на веку.
Но зачем я стою у обрыва
И опять примеряюсь к прыжку?

6.

Тут может быть тысяча мнений,
Но опыт нельзя отвергать –

Из даже благих побуждений
Нельзя никого приручать.
Иначе повиснут на шее,
Вопьются глазами в глаза,
Обнимут как можно больнее,
Да так, что покатит слеза.

7.

Есть одиночество – награда
За прежний шум, за суету,
Когда общения не надо,
Но тянет к чистому листу.
Уединившись, как отшельник,
Уходишь в прошлое, как в скит,
И только времени ошейник
Неодобрительно скрипит.

8.

Осенний свет в твоё окошко
Прощальным лучиком блеснёт
И потревожит, хоть немножко,
Забытых чувств водоворот.
Мы в этом мире постояльцы,
Придёт пора – и за порог.
Сплетая трепетные пальцы,
Мы продлеваем этот срок.

9.

С доисторических времён
Звучит полушутливо:
–Мужчина должен быть умён,
А женщина красива.
Но если женщина умна,
Да и ещё красива –
Хлебнёт до чертиков она
И счастья, и надрыва.

10.

Казалось, расстанутся с миром
И мало что вспомнят они,
Никто из них не был кумиром
Друг другу и в лучшие дни.
Их вечно холодному дому
Давно уж не страшен урон,
Но боязно рвать по живому,
Как святость царапать с икон.

11.

Не скажу, что идеал –
Есть на прошлом пятна,
Не скажу, что в рот не брал,
Брал неоднократно.
Не скажу, не дерзил,
Всякое бывало,
Но из всех душевных сил
Жаждал идеала.

12.

Говоришь, что бываю я резким,
Но ведь это не трудно понять,
Иногда поздороваться не с кем,
А не то чтоб, как друга, обнять.
Понял я после бед успокоясь,
Что удача, как мартовский наст,
Если ухнешь, то сразу по пояс,
И навряд ли кто руку подаст.

13.

Всё думалось:–Небом живу
И с ним всё на свете осилю.
Казалось, и жилы порву
За небо, за дом, за Россию.
Так было. И рвал, и тянул,
Особо себя не жалея,
Поэзии внутренний гул
Меж тем становился сильнее.

14.

Когда душа повисла
Над пропастью глухой,
Нет повода и смысла
Соперничать с судьбой.
Пусть будет так, как будет,
Без пропусков, подряд.
Родные не осудят,
Чужие не простят.

15.

На склоне лет, на самом склоне,
Вдруг замечает человек,
Что на последнем перегоне
Судьба ускорила свой бег.
Что всё расхлябанней вагоны,
Всё угрожающей гудки.
Уже последние поклоны
Неосязаемо близки.

16.

Брожу в гнетущей тишине,
Наверно, с целью доискаться,
Что было истинным во мне,
Но не могло сформироваться.
Был дан на выучку судьбе.
С её пронзительных уроков
Бывало мне не по себе,
Но не бывало одиноко.

17.

От надежды к отчаянью
По прямому лучу,
Как в скорлупке запаянной,
Я, бывает, лечу.
От отчаянья к радости –
Роковой поворот.
От безверия к святости
Ту скорлупку несёт.

18.

Осмеивать будут невежды,
Кривя беспощадные рты,
И малые наши надежды,
И робкие наши мечты.
Ну что ж, нам и это не внове,
Давно через это прошли.
Мы с ними не братья по крови,
Так все они к чёрту пошли.

19.

Я – среднестатистический,
Почти что из крестьян,
Характер артистический
С рождения не дан.
Все предки были практики,
И все при голове,
Со знаками Галактики
По-своему в родстве.

20.

Спасибо, всей жизни спасибо,
За звонкий ручей ремесла,
За то, что бездушия глыба
С дороги меня не смела.
За путь, за рискованный выбор
Теперь никого не кляну,
За город с названием Выборг,
За женщину только одну.

21.

Вот и хлёсткое слово нашлось,
Побольнее осиного жала.
Это слово пронзило насквозь,
До последнего нерва достало.
Сколько сора в судьбу нанесло,
Сколько всякого было на свете.
И теперь за своё ремесло
Надо быть перед кем-то в ответе.

22.

Чьи-то взгляды скользят по плащу,
Словно фары по тёмному полю.
Дальше глаз никого не пущу,
Ковыряться в душе не позволю.
Сквозь ресницы никто не пройдёт,
Как сквозь самое частое сито.
Не приму любопытства расчёт,
Мной и так всё, что можно, открыто.

23.

Прильнув к зачарованным ивам,
Распутывай лета силки,
Себя ощущая счастливым,
Озона глотай пузырьки.
Босым по лужайке побегай,
Щекотку травы ощути,
Глубинное силой и негой
Толчком отзовётся в груди.

24.

Бабье лето. Осенины.
Осенило неба высь.
Кисти спелые рябины,
Как фонарики, зажглись.
Широко и безоглядно
Осень вскинула крыло.
На душе ещё отрадно,
На душе ещё тепло.

ИМЕНА

Кузнецовы, Воробьёвы…
Чисто русская душа,
Работяги, острословы,
Не боятся ни шиша.

Русь всегда на них держалась,
Им достался этот груз,
Утверждалась, как держава,
Возвышалась, как Союз.

Чтоб не вклинивалось в дело,
Пораженье иль успех,
Всё на их плечах висело,
Доставалось больше всех.

Алексеевы, Поповы…
Простота и высота.
Это судьбы мужиковы
До последнего креста.

СВЯТЫНИ

Встревоженным сердцем остынь.
Послушай, что сердце глаголит,
Есть сотни и сотни святынь,
Они нам пропасть не позволят.

За нами истории пласт,
Земля, что других тороватей,
Она никогда не предаст,
Не выпустит нас из объятий.

Вот люди – раскладец иной,
У нас поиспорчены нравы,
Смеются и врут за спиной,
Кощунствуют ради забавы.

Но всё перевесит судьба,
Она не дешёвое чтиво,
Её подоплёка груба,
Но больше всего справедлива.

ВО ДВОРЕ

Идёт, потупив взор,
И не идёт, а пишет…
Наверное, весь двор
Её походку слышит.

Высокий бюст неся,
Идёт соседей мимо,
Приманчивая вся
И вся неотразима.

В глубоком декольте
Изящная ложбинка.
При этой красоте
Кому-то половинка.

ЛЮБЕЗНОСТЬ

Как будто струна контрабаса,
Бормочет о чём-то своём,
Проходит воздушная трасса
Почти что над нашим окном.

Небесные силы взболтали,
Как парусник, весь самолёт,
Со всеми стальными болтами,
С начинкой дюралевых сот,

Со всем, что внутри и снаружи,
И с теми, что в креслах сидят,
Чем выше, тем крепче и туже
Небесной стихии обхват.

Судьба оказала любезность,
Явила собой благодать,
И нам подарила на бедность
Возможность вот так полетать.

БЕЗ СЛЕДА

Небольшой огородец,
Покосившийся дом,
Деревянный колодец,
Запустенье кругом.

Одичалое поле,
Полусгнивший плетень…
Незавидная доля
Небольших деревень.

Жизнь была здесь когда-то,
Начиная с земли,
Что уйдёт без возврата,
Разве думать могли.

Жизнь сбежала отсюда,
Не оставив следа,
Социальное чудо
Не свернуло сюда.

ЗАПАСЫ

Словесность, когда без изъятий,
Имеет великий запас,
Другим бы для их хрестоматий
Хватило б и части от нас.

Для немцев, к примеру, иль шведов,
Наверное, мы не сродни,
Поэзии ж нашей отведав,
Иначе рассудят они.

Поймут, что на наших просторах
Иначе не думать, не жить,
Что выводов верных и скорых
У нас просто так не добыть.

Что даже за жизнь не осилишь,
Не то что за краткий набег,
Сокровища книгохранилищ
И залежи библиотек.

СВЕТЛОЕ ВРЕМЯ ГОДА

ЗА ПРОШЛОЕ

В чащобе заблудился,
Ни тропки, ни следа…
Пошёл, не помолился,
А надо бы всегда.

В поэзии дал маху,
Забыл про идеал,
Последнюю рубаху
Случайному отдал.

Невыстраданной клятвой,
Что брошена навскид,
Надолго, словно дратвой,
Был к прошлому пришит.

Всё было очень мглисто
В рискованной судьбе,
Не видел беллетриста
Поэтому в себе.

Стихи – другое дело,
Их можно и за час,
Когда всё закипело,
Всё выстроилось в нас.

ОТ ЛИЦА

Давно звучит, как притча,
Мол, все не без греха,
Нам есть чем откреститься –
Безгрешием стиха.

Язык – первооснова
С начала до конца,
Нет значимее слова
От первого лица.

В молчании суровом,
Как судьбы не сложись,
Всегда с последним словом
Заканчивалась жизнь.

КРАСОТКА

Яркий блеск макияжа,
Губ малиновых зной,
Взгляд мужской будоража,
Увлекает собой.

Накладные ресницы,
Силиконовый бюст,
Повод есть усомниться
В благочестии уст.

Вдруг и там всё фальшиво
До основ и корней –
Никакого мотива
Приударить за ней.

В чём она натуральна,
Объективный ответ
Может дать разве спальня
Да потушенный свет.

ОТТОРЖЕНИЕ

Есть упрёки, как брёвна,
Что таранят суда,
Разойтись полюбовно
Случай есть не всегда.

Наслоятся обиды
Неподъёмным пластом,
Отторженья флюиды
Пропитают весь дом.

А медвяные ночи,
После сумрачных дней,
С каждым годом короче,
Каждый раз холодней.

ВОЛЬНЫЕ ОКТАВЫ

1.

Поэзия – это судьба,
Совпавшая с Промыслом Божьим,
Стихи не от крепкого лба,
Они не нужны толстокожим.
Поэзия – злая княжна.
Не дай бог, кого-то не взлюбит,
Без лишнего слова она
Того беспричинно погубит.

2.

Как-то сборник стихов обмывали,
Пригласили и Музу за стол,
Но виновнице слова не дали,
Разговор не по теме пошёл.
О житейском судачили глухо,
Не касаясь высот ремесла,
Муза слушала это в пол-уха,
А потом, не прощаясь, ушла.

3.

Всё пропитано грустью и сыростью,
Осень бледные губы кривит,
Некрасива такой некрасивостью,
Что от этого сердце болит.

Уж не пахнет ни мятой, ни клевером
Порыжевшая скатерть земли,
Но, крещённые батюшкой Севером,
Мы давно в эту землю вросли.

4.

Привкус в горле, как от клюквы,
Разговор бывает крут,
Посылали на три буквы
И ещё не раз пошлют.
К щепетильным разговорам
Не привык народ у нас,
Да и слов, внимать которым,
Невелик теперь запас.

5.

Перебесятся эти,
Успокоятся вроде…
Их строптивые дети,
Глядь, уже на подходе.
И начнутся сначала
Кутежей хороводы.
Как страна измельчала
За какие-то годы.

6.

Ни величья, ни гордыни,
Ни суждений свысока,
Просто руки в вязкой глине
От гончарного станка.
Просто краски или слово,
Прямодушные на вид,
Просто творчества основа,
Что возносит и пьянит.

7.

Он не жалел себя в пути,
Гнал боязливость, как заразу,
Но так, чтобы в огонь пойти,
Такого не было ни разу.
Хотя имелся крепкий дух,
Патриотические взгляды…
Он каждый раз бывает глух,
Когда зовут на баррикады.

8.

Когда в ответ слова сухие
С не расположенностью всей,
Обидно знать, что есть другие,
Терпимей, лучше и добрей.
Обидно знать, что век заеден,
Кому-то в жертву принесён,
Ценою нервов и проседин
При безразличии сторон.

9.

Злое слово, как супесь,
У кого-то в горсти,
Лучше мирно потупясь
Стороной обойти.
Лучше этих не трогать,
Пропуская вперёд…
Злое слово, как коготь,
По душе продерёт.

10.

Натянулась жизни нить,
Загрузилась чем-то веским,
Стало некому звонить,
Повстречаться стало не с кем.
Стало некуда идти,
Кроме как в себя ввалиться,
И сидеть там взаперти,
Как запуганная птица.

11.

Мы почвенные люди,
Пахавшие всерьёз,
Нам ничего на блюде
Никто не преподнёс.
Пришли другие люди
Без призрачных затей,
Им подавай на блюде
Побольше и скорей.

12.

Проворонили успех,
Что вблизи катило время,
Значит, выбрали не тех,
Дело делали не с теми.
Проморгали явный шанс,
Что удача к нам катила,
И судьба другой пасьянс,
Разозлившись, разложила.

13.

Известный для нескольких тысяч,
Знакомый десяткам пяти…
В толпе беспорядочно тычась,
Его просто так не найти.
Живёт без особых отметин,
По мере таланта и сил,
Без явных заскоков, и этим
Он очень себе удружил.

14.

Не вычислить заранее
Провалы и успех.
Талант – не наказание,
Посредственность – не грех.
Стихи непредсказуемы
С начала до конца,
Поскольку неминуемо
От первого лица.

15.

Настоялось былое
На ветру сквозняка,
Как настойка алоэ,
Что густа и горька.
Что-то пало в осадок,
Что-то всплыло пеной,
И противен, и сладок
Мутноватый настой.

16.

Не говорил, но думал о стихах
При передрягах, в спорах, в одиночку,
По временам испытывая страх
За каждую написанную строчку.
Хотя чего? Есть опыт и стезя,
Есть некий толк, хотя бы и не ранний,
Есть здравый смысл, чего пропить нельзя,
И никаких напрасных обещаний.

17.

У грязного бордюра,
Огромной лужи близь
Стоит Литература,
Откуда ни возьмись.
Уж как её ни гнали,
Словами и взашей,
Стоит на пьедестале,
На улице своей.

18.

Уверовав в непогрешимость,
Примеривая пьедестал,
Не понимал он, что случилось,
В какую бездну он упал.
Хоть ничего не предвещало,
Он до признания дорос,
Но где-то что-то не совпало
И всё слетело под откос.

19.

Так просто врата не откроют,
Успех не поднять на дыбы,
Тщеславие дорого стоит,
Бывает, что целой судьбы.
Так чаще бывает в искусстве,
Где к славе особенный счёт,
Она своего не упустит,
И всё равно чем-то возьмёт.

20.

Мы такие ж простецкие,
Как вокруг большинство,
Ни знакомств, ни протекции,
Ни руки, ничего.
Может, это и к лучшему,
Что не чуем вины,
Что к концу неминучему
Никому не должны.

21.

Что летом потеряно – знаю,
Теперь помышляю трезвей,
Чтоб осень была затяжная,
С обилием солнечных дней.
Чтоб длилось и длилось блаженство
До самой черты роковой
С нечаянной нежностью женской,
С неспешною дружбой мужской.

22.

В столе пищат стихотворения,
Давно уж просятся в печать…
Ни рукопись, ни вдохновение
Теперь, хоть лопни, не продать.
Кто мог бы их купить и пестовать,
Как мышь церковная бедны…
Не привыкать поэтам бедствовать
При безразличии страны.

23.

Вот и лето остыло на кручах,
Отмахало платками берёз,
Вновь бессонные ночи приучат
За тебя волноваться всерьёз.
Сколько раз мы ещё зазимуем,
Сколько раз восхитимся весной,
Но последним своим поцелуем
Я с тобой попрощаюсь одной.

24.

Многолюдное шествие,
Гвалт и гомон окрест…
Выражает общественность
Вновь какой-то протест.
То ли цены набросили,
Нет житья от хапуг,
То ли просто по осени
Делать нечего вдруг.

25.

Льют нескончаемый елей,
Виновник морщится от пота,
Унылый, пышный юбилей
Он, как подагру, заработал.
Наговорят, превознесут,
Наврут в порыве красноречья,
Растравят значимости зуд,
И позабудут в тот же вечер.

26.

От великой культуры,
Где шедевров пласты,
Сберeглись балагуры,
Зубоскалы, шуты.
Те, что ржут на экранах,
Словно это в цене,
Нас дебильных и пьяных
Представляя вовне.

27.

Ни жизнь, ни время не вини
В раскладе действий или судеб,
Дано прожить лишь эти дни,
Другого времени не будет.
Вернее, будут дни, года,
Другие, новые столетья
Уже без нашего следа,
Без нашей бытности на свете.

28.

Я падаю в объятья сна,
Спиною падаю, как в пропасть,
Новорождённая луна,
Как оторвавшаяся лопасть.
Её закинуло в зенит
С нечеловеческою силой,
Теперь в безмолвии висит
Над нашей местностью унылой.

29.

Вдруг пробьётся отава
После скудного льна,
Словно поздняя слава,
Что уже не нужна.
Ни малейшего прока,
Как её ни примерь,
Только сердцу морока,
Что с ней делать теперь.

30.

На лесистых полянах
Зацветёт зверобой,
И туда, словно званых,
Нас потянет с тобой.
Золотые соцветья
Будут радовать глаз,
Как залог долголетья,
Как здоровья запас.

31.

Размыты дали коммунизма,
А обещали, что близки,
Над этим с долею цинизма
Вовсю смеялись остряки.
А ведь напрасно так язвили,
Над простотой смеяться грех,
К тому ж плоды коммуны были,
Хотя, конечно, не для всех.

32.

Кой уж век карман дырявый,
Но известный недочёт,
Не мешает быть державой,
Рваться истово вперёд.
Раздавать подарки щедро,
До земель исконных вплоть…
Нас спасают наши недра,
Да ещё хранит Господь.

33.

Тугая щёчка с ямочкой,
Речь льётся ручейком,
Какой стервозной дамочкой
Окажется потом.
Какая красна-девица,
Заметишь за версту…
Куда всё это денется
С замужеством, в быту.

34.

В городке незнаменитом,
Где приличная среда,
Оказались мы транзитом
И застряли навсегда.
Как на дальнем полустанке,
У судьбы на полпути,
Нас ссадили для приманки
И забыли увезти.

35.

От поступков поспешных,
Где командует плоть,
Неразумных и грешных
Отведи нас, Господь.
Упаси от гордыни,
От хулы, клеветы,
Чтоб и присно, и ныне
Были души чисты.

36.

Полюбить платонически
Был прозрачный намёк,
Как то сделать практически,
Никому невдомёк.
То ли подлинность вытрясти,
Сжав телесности ком,
Иль пуститься на хитрости
И признаться ни в чём.

37.

Опять в почёте шлюхи,
Обласканы, славны…
Как это в нашем духе,
В традициях страны.
Всегда у нас в избытке,
Где глаз ни положи,
Сначала фаворитки,
А после госпожи.

38.

Однажды поймём без истерики,
Мозгами раскинув не раз,
Что нам далеко до Америки,
Как, впрочем, и янки до нас.
Нас время устроило разными
От быта до чтимых икон,
И каждый своими соблазнами
В истории был искушён.

39.

Когда целуешь перси,
И дел невпроворот,
Своей судьбе доверься,
Она не подведёт.
Когда слепа натура,
Где страсти пелена,
Другая рецептура
В общении нужна.

40.

Словно облако дымное,
Время стало плотней,
Заслонило любимую,
Да и то, что за ней.
Словно воды неспешные,
Что текли мимо нас,
Замутили мы, грешные,
Чувства давний запас.

41.

Какие есть сюрпризы
У женщин, например,
Улыбка Моны Лизы
У подлинных мегер.
Но мы друг друга стоим
У матушки-судьбы,
Любовью и покоем
Одаривать скупы.

42.

Пол-пуда соли съедены,
Когда-то будет пуд…
Глаза – такие вредины,
И надо, да не врут.
Ну чтоб не сеять паники,
Одуматься чуть-чуть,
На плётки и на пряники
Спокойнее взглянуть

43.

Под беспорядочные звуки
Околотворческой возни,
Отдам стихи в любые руки,
Лишь были б чистыми они.
Отброшу скверные привычки,
Перетирая на корню,
Души отпавшие частички
Как драгоценность сохраню.

44.

Во времени упадочном и мглистом,
Когда живут, потворствуя судьбе,
Он не был никогда натуралистом
И опыты не ставил на себе.
Не набивался в гости к незнакомым,
Не преступал пристойности черту,
Почтение имел к аэродромам,
А женщину ценил за красоту.

45.

Я уповаю на прощенье
Родных людей, небесных сил
За то, что время колошенья
Почти случайно пропустил.
В текучке дней, в их грозном рыке,
Когда натянуты ремни,
Я не заметил знаков блики,
Хоть были явственны они.

46.

Сколько странного, вздорного
Было всё-таки в нём,
Как страну передёрнуло
Лишь при имени том.
С ожиданьями лучшими
Просчиталась страна,
Разрушеньем и путчами
Заплатила она.

47.

Дай Бог, коль это кажется,
Что крепость снесена,
На ханства и на княжества
Расколется страна.
Что есть угроза цельности
От козней и от смут…
Жить проще по отдельности,
Да только не дадут.

48.

Сколько раз на свету и во мраке
Был мне свыше как будто сигнал,
То судьба подавала мне знаки,
Но я их не всегда понимал.
Были символы, жесты, намёки,
В гуще валом катящихся дней,
Чтоб успеть в отведённые сроки
Состояться как можно полней.

49.

Пристойности граница
Проходит по сердцам,
Чем в жизни поступиться,
Решает каждый сам,
Что можно не заметить,
Оставить на потом,
Где нужно не ответить,
А сразу кулаком.

50.

Встречается тихая заводь
При нынешнем гаме земном,
Где можно побыть и поплавать,
Особенно если вдвоём.
Там можно расслабиться вволю,
О многом и многих забыв,
Счастливую, горькую долю
Уже принимая, как миф.

ИЛЬИН ДЕНЬ

Завтра будет день Ильин,
Может быть, дождёмся грома,
Светлый праздник именин
Отмечать я буду дома.

А ведь было много раз,
Этот день встречал в полёте,
И как помнится сейчас,
Не пришлось быть в переплёте.

Может быть, Господь хранил,
Может, просто совпаденье,
Но всегда хватало крыл
Приземлиться в день рожденья.

ТОЛЬКО СКРИПКИ

К этой кукольной головке,
Где господствуют глаза,
Что из встречных вьют верёвки,
Так подходят образа.

Этой тающей улыбке,
Что о многом говорит,
Не хватает только скрипки,
Чтоб поплакала навзрыд.

Ей бы слушать ангелочков
И не видеть жизни грязь,
Ей в лирических бы строчках
Очутиться, растворяясь.

ИЗ ГЛУБИН

Озаботишься долею,
Вспомнишь пройденный путь,
И найдёт меланхолия,
Так, что трудно заснуть.

Из глубин подсознания
Всё всплывает одно,
То, что было заранее
В назиданье дано.

Нас не трудно разжалобить,
Выжать влагу из глаз,
Умиляемся, стало быть
Есть сочувствие в нас.

Не загадочным зрелищем,
Не у всех на виду
По-над всеми на бреющем
Напоследок пройду.

Не по памяти шарящим
Любопытством своим,
Просто бывшим товарищем,
Из любивших одним.

НИ ПЕРЕД ЧЕМ

Стихия, натиск и напор
Во всех соседствуют не прячась.
А жизнь летит во весь опор,
Имея собственную зрячесть.

Потомок истинных крестьян,
От их привычек и натуры,
И в том существенный изъян
Для городской литературы.

Бывать в десятках городов,
Ни к одному не привязаться,
Не написать о них стихов
И даже прозы пол-абзаца.

Бывать не раз за рубежом,
От удивленья не раззявясь,
Лишь ощущать в себе тайком
К благовоспитанности зависть.

Знать блеск и мнительность столиц,
Бывать у славы на приёме,
Ни перед кем не падать ниц,
Как перед Родиною кроме.

НЕ МОДА

Светлое время года
К нам подступает вновь,
Что ему непогода,
Если оно любовь.

Сыплет ли снег за ворот
Или черёмух цвет,
Если нам кто-то дорог,
Это как солнца свет.

Чисто в душе, как в храме,
Тихо струятся дни…
Чувства приходят сами,
Только не отпугни.

Чувственный всплеск – не мода,
То на любой сезон,
Светлое время года,
Это когда влюблён.

ШУМНЫЙ ДОЖДЬ

Дождь нашумелся вдоволь,
Напрыгался в кустах,
Отмыл береты кровель,
Смородиной пропах.

Нельзя сказать, что ливень
Был нужен позарез,
Но всплеска торопливей
Он грохнулся с небес.

Не сразу приглянулись
Омытые дождём
Полотна мокрых улиц
За плачущим окном.

Укус последних капель
Пришёлся в сонный сад,
Который грустью запил
На много дней подряд.

ОБЫЧНОСТЬ

По зарубкам и вехам,
По путям ремесла,
С переменным успехом
Жизнь привычно текла.

Без особого шика,
Без великих щедрот,
Как без воплей и крика
Пол-России живёт.

Без известности шлейфа,
Без нагонной волны,
Без секретного сейфа,
Чем иные сильны.

Ни двойного гражданства,
Ни родни за бугром,
Ни малейшего шанса
Быть на месте другом.

Без восторгов телячьих
Жизнь рывками прошла,
Проскакав, словно мячик,
От угла до угла.

ЛЮБОПЫТСТВО

Блаженство утренних часов,
Увы, вечерняя усталость,
А между этим сколько слов
Бумаге скомканной досталось.

Стихотворенья разных лет,
Какая пропасть между ними,
Похожих не было и нет,
Одно лишь общее, что имя.

Не ради красного словца,
Не занимательности ради,
Идёшь, бывает, до конца
В своей лирической тетради.

Себя вскрываешь не на треть,
А больше чем наполовину,
Чтоб хорошенько рассмотреть,
Что составляет сердцевину.

ВЕЛИКОЛЕПЬЕ

Земля не пахнет степью,
Полынью, ковылём,
Её великолепье
Разительно в другом.

Её наряд извечный
От девственных лесов,
Весною подвенечный,
По осени багров.

Сплошное разнотравье,
Всё выгустеть спешит,
Где сказочною явью
Волнистый малахит.

А в дикости урочищ,
Где странствуешь один,
Упасть в себя захочешь
Без видимых причин.

От хвойных ароматов
Звериное чутьё…
Всё вещее упрятав,
Земля молчит своё.

УСПЕТЬ

Когда чуток под хмелем,
Развяжется язык,
С три короба намелем
В обход и напрямик.

Всё так скоропостижно,
Как осень и зима,
Как горестная тризна,
Как наша жизнь сама.

В бесцельной свистопляске,
Где мутная волна,
Не хочется огласки
Чем жизнь обойдена.

Не хочется, как птице,
Попасть в глухую клеть,
Вовсю отколоситься
Так хочется успеть.

Беречься от соблазна
В оставшемся пути,
Стареть не безобразно
И вовремя уйти.

РЯДОМ

Опять замаралась страница,
Пока мы молчали с тобой,
Душе захотелось пролиться
Заведомо грустной строкой.

С годами душа сокровенней,
Проходит горячности пыл,
Спокойствие чутких коленей
Не в год и не в два полюбил.

Я рядом, любимая, возле
Доставшийся жребий влеку,
Мы вместе отчаянно мёрзли
На нашем свирепом веку.

Мы вместе рвались в поднебесье,
Приемля земные мечты,
Поэтому всё ещё здесь я,
И здесь же по-прежнему ты.

До самого края останусь
В пространстве, где музы хранят,
Где зрелости тонкая пряность,
Где рани хмельной аромат.

ЯНВАРЬ

Отгремели фейерверки,
Стихли отзвуки пальбы,
Вот и всё, закрылись дверки
Года, времени, судьбы.

Белым цветом всё малюя
За окном стоит зима,
Неподвижна, как статуя,
Живописна и нема.

Ты глаза от света прячешь,
Разнося на блюдцах тишь,
Не заспоришь, не заплачешь,
Лишь надолго замолчишь.

В этом длительном молчанье
Недосказанное есть,
То ли отзвук всех мечтаний,
То ли будущего весть.

Как подарок стеклодува,
В ёлке зреет шарик твой.
Вот и год упал из клюва,
Может, вечности самой.

ЗАБВЕНИЕ

На памяти русское слово
Писалось ещё от руки,
Не с нами ль уйдут смеляковы,
Багрицкие и маршаки.

Советской эпохи гомеры
Гремели порой, как никто…
Забылись уже алигеры,
Сурковы, светловы, барто.

И ныне в сетях Интернета,
Хотя не великий уж труд,
Не часто какого поэта
Хотя б невзначай вспомянут.

Великие книги на полках
Стоят, возвышаясь стеной,
Где строчек лиричных и колких
Хватило б стране не одной.

И Муза, забвенье осилив,
Блеснёт ещё светом стихов,
К примеру, как Павел Васильев,
Корнилов, Твардовский, Рубцов.

ЛЕДИ

Спортивна, стройна, моложава,
И в зрелые годы мила,
По жизни достойная слава
Её, как на крыльях, несла.

Из тех посёлковых девчонок,
Что бегала с книжками в класс,
Откуда её утончённость
И мудрости женской запас.

Какая была фантазёрка,
Мечталось наивно, светло.
Со временем мудро и зорко
Себе подбирала крыло.

На кухне и в светской беседе
Всегда оставалась собой,
Могла быть изысканной леди
И женщиной самой простой.

Тихоней и важною дамой
Ей быть уготовил Господь,
Таких новомодной рекламой
Завистливо не уколоть.

Могла отойти восвояси,
Могла за себя постоять,

Достойно в любой ипостаси
Несла полновесную кладь.

Всё было: и слёзы, и шёпот,
Смиренье и страсти накал,
Счастливый и горестный опыт
Ей душу сполна напитал.

Изящна, строга, величава
На тонкие чувства чутьё…
Мужчинам поныне растрава
Волнующий облик её.

РУКОПИСЬ

Читай, смотри, пролистывай
Всю рукопись судьбы
С её строкой неистовой
С потайкой ворожбы.

С начальных строк отматывай,
От розовых ногтей,
По всей бумаге матовой,
По рукописи всей.

Следи за строчкой сбивчивой,
Что бьётся через край,
Кой-что преувеличивай,
Кой-что приуменьшай.

Тащи на вид, оспаривай
Лет зыблемую суть,
Ищи в завесе маревой,
Что можно зачеркнуть.

На память всё нанизывай,
Кидайся вдаль и вширь,
Настойкою анисовой
Себя утихомирь.

ПАМЯТЬ

Я ничего не забыл
За частоколом строк,
Помню, кого любил,
Помню, кого берёг.

Помню, что приглашён
На сокровенный срок,
Призван не на сезон,
А для чего-то впрок.

Помню судьбы расклад,
Чую её вожжу,
Часто гляжу назад,
Что-то не нахожу.

Помню восторг забав
И обстоятельств рык,

Время торчит в зубах
Режет торцом язык.

Помню, что был резон
Вытолкнуть чувства кляп,
Помню не в чём силён,
В чём сокровенно слаб.

Зрело грубеет ствол,
Сносит за склон звезду,
Помню, зачем пришёл,
Помню, за что уйду.

СТАНЦИЯ ИРАЁЛЬ

Мазутный запах Ираёля,
Немногочисленный народ…
Теперь Илларионов Толя
Здесь, к сожаленью, не живёт.

Морозным воздухом не дышит,
Не видит зыбкие огни,
Стихи хорошие не пишет,
Что тихой музыке сродни.

Не знает горечи событий,
Что без него произошли,
Среди поэтов незабытей
Он в жизни северной земли.

В существовании коротком
Его сюда вот занесло,
Неоценённым самородком
Он здесь оставил ремесло.

В его подвижнической доле –
Пример поэта, хоть кому…
Быть может, как-то в Ираёле
Поставят памятник ему.

НАРАВНЕ

Поэт – не друг, не враг престола,
Не злопыхатель за спиной,
Поэзия не расколола
Ещё державы не одной.

Её врачующая сила
Питала донные пласты,
Поэзия не извратила
Национальные черты.

Поэт – не ветвь, не часть народа,
Он сам – взыскующий народ,
Его глубинная свобода
Быть бессловесным не даёт.

Он – не бессовестный меняла,
У меркантильности в плену,

Поэзия не расшатала
Живую душу ни одну.

Поэт – не друг, не враг престола,
Он от баталий в стороне,
Но скольких власть перемолола
Со всем народом наравне.

СТРИЖИ

Мы свободные птицы,
Как, к примеру, стрижи,
Чтоб с небес не свалиться,
Мы кладём виражи.

Каждый нерв напрягая,
Рвём усилий запас,
Жизнь возможна другая,
Но она не для нас.

Мы не прячемся в дуплах,
Словно в тесный сосуд,
Где трусливых и щуплых
Постоянно клюют.

Мы привыкли селиться
По углам кочевым…
Мы свободные птицы,
Надоест – улетим.

ЖЕНСКИЕ ЧЕРТЫ

У искусства женское начало,
С ним любая женщина на «ты»,
Скольких на шедевры вдохновляла
Прелестью телесной красоты.

Скольких на открытия подвигла,
Открывая многое сама,
Вся от поэтического цикла,
Вся от недюжинного ума.

Мифов и реалий героиня,
Тайный знак любого ремесла,
Ты сердца мужские переклиня,
В вечную поэзию вошла.

Стала сутью, символом и нервом
Этой жизни, сколько не итожь,
И сама законченным шедевром
В этом мире маетном живёшь.

У искусства женское начало,
У природы женские черты…
Женщина ничем не развенчала
Залежи душевной красоты.

НАИЗУСТЬ

Не в столь уж отдалённом,
Коль двинуть время вспять,
Дурным считалось тоном
Поэзию не знать.

Без всяких понуждений,
Не самых лучших пусть,
С пяток стихотворений
Все знали наизусть.

А были феномены,
Хвала таким и честь,
По памяти поэмы
Они могли прочесть.

Теперь у наших граждан
Насущное сперва,
Поэтому не в каждом
Поэзия жива.

ПРОГУЛКА

В пальто демисезонном,
При галстуке, в шарфе,
Идёт дышать озоном,
Немного подшофе.

Идёт тоску развеять,
Купить в киоске снедь,
Разумное посеять,
О вечном поскорбеть.

Подумать о минувшем,
Просматривая путь,
Забот холодным душем
Себя ополоснуть.

С собою объясниться,
Сомненья растрясти,
Тоскующею птицей
Не тычась взаперти.

Он насиделся дома,
Напялился в окно,
Где всё вокруг знакомо,
А на душе темно.

Вечернюю прогулку
Он словно праздник ждёт,
И в память, как в шкатулку,
Кладёт о ней отчёт.

ВСТРЕЧА

Цепкая дамочка эта
Знала о всех и всё,
Не было лишь поэта
В спутниках у неё.

В вечер какой-то странный
Он перед ней возник,
Пусть не герой экранный,
Но ничего мужик.

Всё при руках, при деле,
Вроде бы есть успех,
Вон как других воспели,
Чем она хуже тех.

Может, стишок удачный
Выйдет из-под пера,
Там до постели брачной
Будет идти пора.

Ей бы посторониться,
Спрятать поглубже взгляд,
Но и умнее птицы
Часто в огонь летят.

Знала ведь, что обузой
Будет он ей в пути,
Но захотелось Музой
Мимо подруг пройти.

ТВОЁ ДЕРЕВО

Назову незатейливо
Лишь созвучьем одним
Одинокое дерево,
Под которым стоим.

Назову только именем,
Без особых прикрас,
Из забвения выманим
Всё, что было у нас.

Чтоб ты тоже поверила,
Что судьба не пустяк,
Что у этого дерева
Есть магический знак.

Что оно напророчило
Тихим шумом ветвей,
Стало сыном и дочерью,
Стало сутью твоей.

Назову твоим именем
Деревцо во дворе,
Что сияет под инеем
И парит на жаре.

ОКРАИНА

Повсюду дорожные знаки
Пробились сквозь пыль и мазут,
Как будто железные злаки
На каменных стеблях растут.

Их точит свинцовая морось,
Сбивают во тьме лихачи,
Никто не сбавляет здесь скорость,
Особенно, если в ночи.

Мы жители тёмных окраин,
Где воздух от пыли лилов,
Как фильтры, в себя мы вбираем
Всю пыль небольших городов.

Нам выпала доля селиться,
Где мало цветов и тепла,
Оседлости нашей граница
По тёмным канавам прошла.

Ну что же, свой срок отмотаем,
Допьём эту чашу до дна,
Стране не бывать без окраин,
Нам тоже досталась одна.

ОСЕННИЙ СВЕТ

Осенний свет, за лес не падай,
Ещё чуть-чуть повремени,
За потемневшею оградой
Ещё не вспыхнули огни.

Ещё подолгу не темнеет,
Свет пропадает не за час,
Природа зорче и умнее
Тепла расходует запас.

Судьба рисковая, помедли,
На поворотах не гони,
Дорог запутанные петли
Порой ведут до западни.

И ты, поэзия, помешкай,
Не торопись убавить свет,
Веди глубокою нарезкой
Непрекращающийся след.

Свет угасает понемногу,
С краёв сжимаясь, как шагрень,
Но завтра будет, слава богу,
Опять такой же светлый день.

ПОЛЫНЬЮ И МЁДОМ

ПО СКЛАДУ СЕРДЦА

Не ученик и не учитель
По складу сердца и ума,
Своей страны не обличитель,
Пусть разбирается сама.

Как ни горьки слова поэта,
В них есть приметы ворожбы,
Он должен был сказать про это
Ценою собственной судьбы,

Как ни были б слова жестоки,
В них отражается судьба,
Его провидческие строки
Гудят, как в ливень желоба.

Что говорил он по наитью,
Чудотворя, предвосхищал,
Довольно скоро красной нитью
Вплелось эпохе в матерьял.

ПОСИЛЬНАЯ КЛАДЬ

Славы скользкая наледь,
Чтоб её накатать,
Надо пить и скандалить,
На приличья плевать.

Надо совесть, как мячик,
Пнуть себе под кровать,
Глубь душевных болячек,
Как товар, показать.

Сеять вздорные слухи,
Быть себе на уме,
У какой-нибудь шлюхи
Хоть куда реноме.

Есть у каждого ниша
И посильная кладь,
Слава хуже гашиша,
Тяжелей отвыкать.

ЖИЗНИ ТКАНЬ

Всегда хотелось вглубь уйти,
Не видеть сонных циферблатов,
Но мыслей ход держа в горсти,
Но чувств испытанных не спрятав.

У всех, по сути, путь един,
Рожденье, молодость и старость…
У всех, как просверки седин,
На жизнь накапливалась ярость.

Событий грубая печать,
По сердцу и по коже,
Победы надо отмечать
И пораженья тоже.

Из них плетётся жизни ткань
Неодинаковая цветом,
И даже если дело дрянь,
Жизнь не окончится на этом.

БЕДА И БЛАГОДАТЬ

Кому-то всё равно,
Чья почва под ногами,
Куда глядит окно,
Что делается с нами.

Слышна какая речь,
Внесён в какие списки,
С кем рядом в землю лечь,
В чью память обелиски.

Кому-то всё равно,
Вокруг какие лица,
Куда падёт зерно
И чем заколосится.

Где греться у огня,
С кем выпить за здоровье,
Традиции храня,
С кем породниться кровью.

Смотреть какие сны,
От чьих стихать реликвий,
И путь какой страны
Осмыслить, как великий.

С кем вместе сострадать,
Метаться от бессилья,
В беду и благодать
Нам видится Россия.

ЗНАКИ

Спасибо, Господи, за знак,
За непреложную науку,
За то, что вовремя напряг
Ослабевающую руку.

За то, что выстроил удел,
Доступный верному прочтенью,
В текучих бликах рассмотрел
Судьбы расцепленные звенья.

Спасибо, Господи, за свет
Под нависающие веки,
За случай в сутолоке лет
Не обмануться в человеке.

За благосклонность высоты
За продолжительное имя,
За то, что лишние черты
За скобки истинного вымел.

Спасибо, Господи, за стать,
За неотрывность от искусства,
Чтоб мог словами передать
Обуревающие чувства.

Я принимаю жребий твой
И чту традиции со всеми,
Когда свистит над головой
Неотдыхающее время.

Спасибо, Господи, за честь
Быть предназначенным России,
Чтоб на бумагу перенесть
Её судьбы перипетии.

БЕЗ ВСТРЯСОК

Всё шло не единожды прахом,
Стояла вся жизнь на кону,
С каким-то садистским размахом
Крушили родную страну.

С трудом представляя масштабы,
Во что это выльется нам,
Кроили лихие прорабы
Страну по чужим чертежам.

Ни страх, ни сомненья, ни жалость
Не ведали те скорняки…
Но снова страна возрождалась
Пророчествам всем вопреки.

Хватало былого запаса,
И всем предсказаньям назло
Не тучное, жильное мясо
На мощные кости росло.

Без вновь накатившихся встрясок,
Без новых общественных бурь,
Без сталью лоснящихся касок,
Пободрствуй, страна, подежурь.

УТРЕННИК

Выйдешь рано поутру,
С удивленьем обнаружив,
На лужайках кожуру,
Остекление на лужах.

Упоительный покой
До промышленного гула,
Осень встала на постой.
Стужей издали дохнула.

Встанешь как-то в ранний час,
Встретишь утреннее солнце,
И заметишь, что погас
Светлячок в душе на донце.

Вспомнишь утренней порой,
Глубоко в себя вбуравясь,
Что скрывает за собой
Лет разросшаяся навесь.

Встрепенёшься, как на стук,
После странных сновидений,
И увидишь мир вокруг
Многократно драгоценней.

ЗАКАЗНИК

Ручка в пальцы зажата,
Жилка бьётся в виске,
Остывают стишата,
Как детали в станке.

Сколько есть их в запасе,
Никому невдомёк,
И в какой ипостаси
В свой появятся срок.

Иногда мы нелепы,
Временами смешны,
Проще пареной репы
Предстаём со спины.

Но поглубже взгляните,
Бросьте пристальный взгляд,
Золочёные нити
В глубине заблестят.

Времена не тушую,
Было всё не в раю,
Прожил жизнь не чужую,
А похоже, свою.

Снова маленький праздник,
Снова жизнь хороша,
Я вернулся в заказник
Под названьем «Душа».

НОСТАЛЬГИЯ

В золотые чьи-то годы,
До известных перемен,
Были правильней погоды,
Были юбки до колен.

Были девушки пригожей,
Было больше простоты,
Был яснее облик Божий,
Воздержательней посты.

Были сплетни чуть добрее,
Не болтали, что взбредёт,
Были туже портупеи,
Осмотрительней народ.

Поприличней были нравы,
Раздевались не везде,
Безобиднее забавы
В окультуренной среде.

Были сами помоложе,
Легкомысленней стихи,
Не хотелось лезть из кожи
Из-за всякой чепухи,

Впрочем, это ностальгия,
Впечатлительности зуд…
Вот, ужо, придут другие,
Не такое наплетут.

КОГДА ЕЩЁ

Ещё под детские примочки,
Под звон ребячьих голосов
В душе закладывались почки
Взошедших исподволь стихов.

Ещё не знавшие о ритме,
Не попадавшие в размер,
Слова слагались, как в молитве,
Как в колыбельной, например.

Они ещё, как детский лепет,
Сплетались ленточками в слог,
Так обучающийся лепит
Свою мадонну на глазок.

Пока по стёклам барабаня,
Дождь безобразничал взахлёб,
Украдкой Муза, словно няня,
Крестила юношеский лоб.

Тетрадь не раз обезобразя,
Резвилось верткое стило,
Хотя ни пошлости, ни грязи
Оно туда не нанесло.

СО ВСЕМИ

Я всё ещё здесь,
Я всё ещё с вами,
Как было до днесь,
Как будет с годами.

Со всеми прошёл
Плохим и хорошим,
Последний глагол
В тетрадку не брошен.

Дано, так дано,
Никто не отнимет,
Свет в наше окно,
Упорное имя.

Скрести да скрести
В душе по сусекам,
Чтоб с чем-то в горсти
Предстать перед веком.

Гремучая смесь –
Вино со стихами,
Проснулся ночесь
С хмельными слезами.

ПРИЕЗЖИЕ

Едва пути забрезжили,
Приличней стала жизнь,
Нахлынули приезжие,
Откуда ни возьмись.

А ведь давно ли съехали
Туда, где посытней,
Жить с нами прорехами –
Не выросло корней.

Мы тут без них ишачили
Уже в который раз,
Им ничего не значили
События у нас.

Теперь с высокомерием
Нас тычут носом в грязь,
Практическим материям
Нас учат возгордясь.

Цепляются заносчиво
К любому пустяку,
Им подавай средь прочего
Всё сразу на веку.

Сограждане любезные,
На вас дрянцы печать,
Не вы прошли над бездною,
Не вам и поучать.

КАК ПЕРСТ

В этом угрюмом лесу,
В гуще могучего бора,
Чарку себе поднесу
Без головного убора.

Тихо наверх помолюсь,
Пусто и справа, и слева…
Мало чего уж боюсь,
Только не божьего гнева.

Сбился, шатаючись, с ног,
Лес, тишина, одичалость.
Снова, как перст, одинок,
Мало чего уж осталось.

Много чего утекло,
Но не забыл, что имелось…
Грустно, подробно, светло
Вспомнится каждая мелочь.

БЕЗ ВСЕГО

Без вздевания рук,
Без дешёвого гама,
Я люблю жизни круг,
Что наполнила мама.

Без завистливых мук,
Без стенаний и мата

Появляются вдруг
Неплохие стишата.

Без любовных наук,
Не обманом, не силой,
Я б не вынес разлук
С этой женщиной милой.

Без душевных потуг,
Обещаний и трёпа,
Рядом истинный друг,
Чтоб спасти от поклёпа.

Без вздевания рук,
Ворожбы и обета,
Вся Россия вокруг
Словно в сердце продета.

САМОЙ СУТЬЮ

В нас немало напущено
От святых до ярыг,
Есть величие Пушкина,
Есть расхожий язык.

В нас немало насеяно
Естества и химер…
Не могло быть Есенина
У датчан, например.

Появиться мог Андерсен
До Австралии вплоть,

Но Есенину с адресом
Не ошибся Господь.

Лишь у нас мог оформиться
Маяковский – бунтарь,
На мещанской бескормице,
Народившейся встарь.

Лишь в России мог вырасти
Дивной силы поэт
И по божией милости,
И Европе в ответ.

В пику той философии,
Что темна для людей,
Нам чужды Мефистофели
С чертовщиной своей.

ОСНОВНОЕ

Ни с чего по сердцу резануло
И прижало болью к косяку,
Ни с чего от внутреннего гула
Потянуло стужей по виску.

Есть пора, когда уже не мальчик,
А задетый зрелостью мужик,
Но ещё не божий одуванчик,
Что уже от женщины отвык.

Есть пора, когда перемололось,
Что перемолоться и должно,

Стала грустью звонкая весёлость,
Как перебродившее вино.

Есть пора, когда уравновешен
С окруженьем, с сердцем и душой,
В меру относительную грешен,
В меру чист по совести людской.

Есть пора, не грезишь о покое,
Лишнее с души обтеребя,
И тогда приходит основное
В пониманьи жизни и себя.

БЛАГОРАЗУМИЕ

Спокойнее любить издалека,
Спокойнее не от душевной лени,
А от того, чтоб в роли должника
Не лепетать любовной дребедени.

Спокойнее без пафоса и клятв,
Что объяснимо где-нибудь на сцене,
Их всё равно по жизни распылят
И вряд ли по достоинству оценят.

Бесстрастные сближаться не спешат,
Предпочитая сердцем остеречься,
Благоразумье жизненней в сто крат,
Чем бурно протекающая встреча.

Полезнее нажать на тормоза,
Когда лоб в лоб накатывает к чувству,
Практичнее признаться за глаза,
К кому угодно, к женщине, к искусству.

Всё это так, теория, слова…
Совсем другое – чувственная вьюга,
Не устоять нам против естества,
И не попасть в объятия друг друга.

СОРАЗМЕРНОСТЬ

Не осиная талия,
Соразмерность во всём,
Интересно, что далее
Под душистым бельём.

Что исходит от робости,
Остроты коготка,
И какие подробности
Укрывают шелка.

Интересно, как дышится
Этим милым устам,
Может, что-то напишется
По горячим следам.

Может, вдруг приоткроется
Любопытная новь,
Чем душа успокоится,
Но взбунтуется кровь.

ПОЛЫНЬЮ И МЁДОМ

Поднимут глаза ненароком
И тут же посмотрят опять,
Не надо быть слишком пророком,
Чтоб смысл этих взглядов понять.

Достойные женщины были,
Как правило, все от земли,
По-своему, вроде, любили
И что-то в душе сберегли.

От всех, что прошли мимоходом,
От тех, что оставили след,
Тянуло полынью и мёдом
И чем-то, чего уже нет.

Был, может, не слишком примерен
В порывах лирических крыл,
И всё-таки спящих царевен,
Как помнится, зря не будил.

В сплетениях страсти и чисел,
Поступков и тайной мечты,
Разумный предел не нарушил
И вряд ли дошёл до черты.

ШТРИХИ ПО ТЕМЕ

1.

С действительностью в стычках,
В действительной пыли,
У чёрта на куличках
Ребятами росли,

Забудутся не скоро,
По-своему честны,
Ночные визитёры,
Несбывшиеся сны.

В нас выведено тушью,
Да так, что не сотрёшь,
Судьбы великодушье,
Реального чертёж.

2.

Не жаловать при жизни
У нас заведено,
Что вспомнится на тризне,
Ушедшим всё равно.

Но мысль, что жил по чести,
В последний час важна,
Что был со всеми вместе,
Где мыкалась страна.

Что был из настоящих,
С набором ясных черт,
Зазря не голосящих,
Что мир жестокосерд.

Не жди вознагражденья,
Не лезь в поводыри,
Живи без принужденья,
Раскованно твори.

3.

Пока заря не вспыхнет,
Не дрогнет тишина,
Во все лопатки дрыхнет
Уставшая страна.

Душа на мокром месте
Уже который день,
Нерадостные вести,
Тоска и дребедень.

Всё лучшее проходит
И радость в том числе,
Как грустный пароходик,
Растаяла во мгле.

Когда стоишь у бездны
И зыбко всё вокруг,
Тогда не бесполезны
Любимая и друг.

4.

Какие пасторали,
Идилии, мечты,
Мы очень постарались
За этим сжечь мосты.

Желанья быть галантней
Не видит трезвый взгляд,
Нет никаких гарантий,
Что вас не оскорбят.

Прекрасной даме гимна
Не слышно за спиной,
Хотя бы анонимно,
Хотя бы для одной.

Печальная примета –
Всеобщий пустопляс,
Стараньем Интернета
Всё стало напоказ.

5.

Глаза – живая почта,
Посланье каждый взгляд.
Он выразит не то, что
Устами говорят.

Пророческий овалик,
Как времени флакон,

Лирический хрусталик
На душу наведён.

Мы прочно в настоящем
И ноги не скользят,
За всем происходящим
Божественный догляд.

6.

Имеют популярность,
Богатство и почёт,
И явная бездарность,
И давний идиот.

Чего уж гоношиться,
Поэзия – не мёд,
Изящная вещица
Задёшево идёт.

Здесь надобен подёнщик
Во рвении слепом,
Кто больше, а не тоньше,
Наскоблит за столом.

7.

Поэзия как сходни
По времени, судьбе,
Как те пути господни,
Что сами по себе.

Когда всё рядом, вживе,
То взгляд со стороны,
Раздумия чужие
По-своему важны.

Поэзия – не сводня
В усердии своём,
Стихи нужны сегодня,
И завтра, и потом.

8.

Не к робкому десятку
Ещё принадлежу,
Но резать правду-матку
Немного погожу.

Участвовал во многом,
И в малом, и большом,
Эпическим итогом
Доволен не во всём.

Исход не лучший самый,
Но всё же не обвал,
Одно – саморекламой
Себя не утруждал.

9.

Обилие подделок,
Скандалов, суеты…
Как мир бывает мелок
До самой до черты.

Расхристанность и ревность,
Лукавство и расчёт,
Тупая повседневность
От вечного крадёт.

Храните ваши души
От грязи и клевет,
Везде глаза и уши,
И зябко от примет.

10.

Коленки не трясутся,
Не падаешь на дно,
Любить до безрассудства
Не каждому дано.

Все чувства словно сжались,
Оформились пластом
Внутри в такую залежь,
Что тесно под ребром.

Без лишних церемоний,
Как принято вдвоём,

Тепло своих ладоней
В единое сомкнём.

Как в вычурном гротеске
В едино сведены
И чувственные всплески,
И праведные сны.

Лирическою жаждой
Уже переболел,
Увидеться не с каждой
Ещё бы захотел.

11.

Когда душе потребно,
Смиреннейше готов
Дождаться, как молебна,
Целительных стихов.

По молодости ярче
Глубинные черты,
Раскованность у старче
Скупа до немоты.

По ссадинам и срезам
Век холодно прижёг
Завистливым железом
Лирический пушок.

12.

Насилие над ленью,
Запальчивости зуд…
Какое вдохновенье,
Всё ряженые врут.

И творчество – не муки,
А радостный порыв,
Душою жизни звуки
В себе соединив.

Слова о тяжкой доле
Не более, чем блажь,
Пытайся, поневоле
Хоть что-нибудь создашь.

Прижимистость и щедрость,
Бравада и расчёт,
Уныние и светлость –
Всё сущее несёт.

Брезгливость и всеядность –
Не лучшие черты,
Души многоукладность
Тесна до ломоты.

Смирение и дерзость,
Терпение и труд
На гребне жизни держат,
Сорваться не дают.

ВОЗВРАТ

Теченье времени порожисто,
Непредсказуемо почти,
И добродетель, и ничтожество
Ещё встречаются в пути.

Пооткрестились от советского
И повернули в чём-то вспять,
Как не хватает Достоевского,
Чтоб наши нравы описать.

Сменились партии и вывески,
Пришли другие игроки,
Страна профукивала прииски,
А заодно и рудники.

Она как будто баба пьяная,
Забыв пристойность и дела,
Своё богатое приданое
По подворотням растрясла.

Что создавалось пятилетками,
Соревнованьем и трудом,
За исключениями редкими
Пошло, по сути, нипочём.

Есть человеческое правило –
За всё отплачивать сполна,
Бутылки даже не поставила
Неблагодарная страна.

ДОЖДЛИВОЕ УТРО

Стоит стеною сплошь,
Не двигаясь при этом,
Невыспавшийся дождь,
Разбуженный рассветом.

Повиснет у ворот,
На кустики побрызжет,
У тополя загнёт
Замоченные бриджи.

То прыскает взахлёб,
То просится в калитку,
То пустится в галоп,
Как будто за отсидку.

Пока ещё темно,
Дождь может огорошить,
Уставившись в окно,
Как встрёпанная лошадь.

ДОВОЕННОЕ ФОТО

1.

Вот отец в портупее,
А на маме платок,
Фотографий ценнее
Нет, чтоб так я берёг.

Эти фото из Бреста,
До трагических лет,
Нет того уже места
И родителей нет.

Нет того государства
И священной земли,
Но не стёрлись мытарства,
Через что мы прошли.

2.

Фотография воина,
Свет оконный на ней,
Это место намолено
До скончания дней.

Сколько раз с сорок пятого
Приходила весна,
И его, русоватого,
Вспоминала страна.

На просторах немыслимых,
Что Вселенной равны,
К лику чтимых причисленный,
Он как стержень страны.

КАК МЫШКИ

Есть порой ощущенье,
Ощущенье и только,
Что простого везенья
Не получена долька.

Прошуршали мыслишки,
Словно мышки в чулане,
Что отчизны излишки
Не осели в кармане.

Что шальная свобода
До того воровата,
Что страшней год от года
За такую расплата.

ПРИЧУДЫ

Есть порой пересуды,
Что с бутылкой близки,
Пьём от сильной простуды
И от смертной тоски.

При житейских утратах,
Низвергающих в дрожь,
При сужденьях предвзятых,
Где добра не найдёшь.

Выпиваем с удачи,
Коль дела хороши,
Принимаем тем паче
При расстройстве души.

Глушим боль алкоголем,
Прижигаем огнём,
И при этом глаголим,
Что во здравие пьём.

Есть у многих причуды…
Не из самых кутил,
Промываем сосуды,
Что нам век засорил.

ВСЕРЬЁЗ

Спасибо за то, что цел,
Спасибо за то, что есть,
Когда так глядят в прицел,
И так искушают честь.

Когда всё, как в ад, летит
И медленен божий суд,
Спасибо за светлый скит,
Что люди душой зовут.

Спасибо за то, что жил
Уж сколько-то лет и зим,
Был, может, кому-то мил,
Кому-то совсем чужим.

Что были любовь и стол,
Деревня Большой Исток,
Что книг целый воз прочёл
И сам кое-что изрёк.

ИПОСТАСИ

Не брал философские кручи,
Наука не лезла в башку,
Другому был в жизни научен,
Другое познал на веку.

Приверженец Музы и рифмы,
Искавший во всём идеал,
Он плохо решал логарифмы
И мало-то в них понимал.

Поклонник прекрасного пола,
Искавший признания в том,
Хотя не одна уколола
Его равнодушным зрачком.

Поборник исконного слова,
Ценитель природных корней…
О том не кричал митингово,
А просто сживался тесней.

Пора б до конца объясниться,
Да всё не находится сил,
Что ждёт на последней странице,
Пока он ещё не решил.

БРАТИЯ

Писатели, художники –
Затейливый народ,
Есть кое-что от боженьки,
Кой-что наоборот.

Со временем не судятся,
Не требуют щедрот,
Что сбудется, так сбудется,
Ничто не пропадёт.

Им всё иначе слышится,
Всё видится не так,
Картина или книжица –
Отшельничества знак.

Колдуют заговорщицки
И кистью, и пером,
Особинка топорщится,
При случае, во всём.

Упорно и разборчиво
По-своему творят,
Тут даже и не творчество,
А жизненный уклад.

Работают и ленятся,
Гуляют в аппетит,
Но будто заусеница
В душе у них торчит.

Романтики и ёрники,
Так жизнь их создала,
И вечные затворники
В плену у ремесла.

Художники, писатели,
Отчаянные лбы,
Всю жизнь свою потратили
На поиски судьбы.

ЛЕСНАЯ ВИЗА

Кому заграничная виза,
Курорты, отели, мадам…
Вернулись и мы из круиза
По нашим окрестным лесам.

Ещё подышали озоном,
Почтили берёз образа,
Сияющим, тёплым, зелёным
Себе напоили глаза.

Июльского леса кларнеты,
Фаготы, свирели, свистки,
Все струны любовно задеты,
Подстроены все голоски.

У бора и неба на стыке,
Где дышит прохладою низь,
Хмельные кусты голубики
Корзинками ягод снеслись.

Гармония звуков и света,
Привольная россыпь щедрот,
Ещё сохранилось всё это
И вряд ли когда-то уйдёт.

С ПРИРОДОЙ

Вся природа – большое чудо,
Человек перед нею слаб,
Кошка, павшая хоть откуда,
Приземлится на мякоть лап.

У природы свои пристрастья,
Может, кто-то из нас ей люб,
Приголубит того на счастье
Теплотою солёных губ.

У природы свои уклады,
Лучше в них просто так не лезть,
Превращаются соки в яды,
Переходит прощенье в месть.

У природы свои причуды,
Но и в этом мудра она,
Каждый пишет свои этюды,
Вся картина лишь ей видна.

У природы свои повадки,
И подход к человеку строг,
Поиграется с нами в прятки,
Да и выставит за порог.

МАМА

Над головой бездонье
Небесной синевы,
Прикрыв глаза ладонью
О чём вздыхаешь ты.

О чём болит сердечко,
Что отболело в нём,
Струится рядом речка,
Стоит старинный дом.

А дальше лес и поле,
Родная сторона,
А там страна, доколе
Родная речь слышна.

Сегодня на закате
Повыстыло в избе,
Что кстати и некстати
Припомнилось тебе.

Ведь здесь твоё начало,
Ресничек первый взмах,
Ты здесь меня качала,
Носила на руках.

Во времени далёком –
Ушедшего печать,
Припасть к своим истокам,
Как время обуздать.

ФЛЮИДЫ ВЕСНЫ

Эта шея лебяжья,
Упоительный стан,
Не для прелести даже,
Для величия дан.

От восторга немея,
Губы кротко молчат,
Не музейная фея,
Вся земная до пят.

Мы не с неба свалились,
Есть на совести грех,
Что на кофточке вырез
Нас волнует, как всех.

Что от женщин красивых
Не в себе голова,
Может, это и вывих,
Но заметный едва.

Знает только подушка,
Да фривольные сны,
Что шептали на ушко
Ей флюиды весны.

РЯБИНОВЫЙ ЦВЕТ

Рябиновые кисти
Небесной чистоты
Нужны не для корысти,
Для дивной красоты.

Рябиновый кокошник,
Опущенный до глаз,
Талантливый художник
Расписывал не раз.

Летучим изумрудом
Сначала обволок –
Пичужкам светлогрудым
Затишья уголок.

Подкинул малахита,
Кистей наметил вязь,
Как бисером расшита,
Рябина вознеслась.

По осени кармином
Раскрасил всё кругом,
Чтоб теплиться рябинам
Рубиновым огнём.

ДВА ПОЭТА

Писалось гулко, лесенкой,
Идейное насквозь,
Но ни единой песенкой
В народ не пролилось.

Поэмы, как воззвания,
Всё время на виду…
Никто не знал заранее,
Что выстудит звезду?

Писалось звонко, весело,
С небес наверняка,
Как много перевесила
Певучая строка.

Сплошная безыдейщина,
Чувствительности ком,
На первом месте женщина,
Всё прочее потом.

Признала их поэтами
Несхожая среда,
За что и оклеветаны,
Хоть в разные года.

Конечно, не товарищи,
Но были тем сродни,
Что слишком вызывающе
Вели себя они.

Два типа наших крайностей,
Экспрессии густой,
И оба хулиганистей
Обыденности той.

В них было много схожего
При разности натур,
Всё это позже ожило,
Возникло чересчур.

Так рано знаменитости…
Попавшим славе в плен,
Себя досталось вытрясти
Во имя перемен.

Себя до дна растратили
На ярмарке страстей,
Эпохи толкователи,
Загубленные ей.

НЕОКОНЧЕННОЕ

Досталось по жизни царапаться
Из самого низа почти,
Большими слезами отплакаться
Досталось годам к десяти..

Досталось душою потратиться,
Когда бы расти и расти,
Судьба никому не потатчица,
Намяла бока к двадцати.

Событий тягучая кашица
Мешала быстрее шагать,
Плохими стихами откашляться
Случилось уже в двадцать пять.

Маячили взлётные полосы,
Что могут огнями цвести,
Восторгом отдыбились волосы,
Привыкнув годам к тридцати.

Судьба занимательней вымысла,
Вперёд увлекая и вспять,
На главную линию вынесло,
Наверно, уже в тридцать пять.

Менялся и внешне, и внутренне,
Едва поспевала строка,
В храм божий собраться к заутрене
Сподобило лишь к сорока.

Не сразу насущное вызналось,
Досталось по жизни плутать,
И, помнится, первая изморозь
Пробилась уже в сорок пять.

Бывало дыханье неровное
Под чей-то пленительный взгляд,
Уже не считал за греховное
Писать о любви в пятьдесят.

Мотает ещё по обочинам,
Несёт на отрезке крутом,
Действительным или просроченным
Всё дышит азартно кругом.

Сквозит временная расщелина,
Дни жизни гудят, как в трубе…
Наверное, свыше не велено
Всё знать до конца о себе.

Содержание

Андрей Расторгуев. «Крещённые батюшкой Севером...» 5
«Нас тяготения оковы...» 13
РОДСТВО 15
«Большой исток» 16
Фотография 17
Небесный гул 18
Качели 19
Сеновал 20
Наш квартал 21
Твой корабль 22
Полдень 23
Под грозой 24
Побыть одному 25
О жизни 26
Настроение 27
Дождь 28
Копья 29
Светлые храмы 30
Родство 30
Некто 31
После Пушкина 32
Летописцы 33
Давнее 34
Стрельбы 35
Чувство 35
Колодцы 36
Полярный Урал 37
Российская земля 38
Коридоры 38
Исход 39
Коми земля 40

О песне ... 42
От предков ... 42
Поворот ... 43
«Какие потери...» ... 44
Старые газеты ... 45
Вместе ... 46
Новогоднее ... 47
Начало ... 48
Возможное ... 49
Клёсты ... 50
Расплата ... 51
Предчувствие ... 52
И.А. Куратову ... 53
По совести ... 54
У экрана ... 55
Непослушание ... 55
Предки ... 56
Восьмистишия ... 57
Слёзы ... 66
Вехи ... 67
Век ... 67
Другие примеры ... 68
Возвращаюсь к тебе ... 69
Мольба ... 70
Дань ... 70
Северяне ... 71
Нас много ... 72
Мой город ... 73
Ледоход ... 74
Дай бог ... 75
Потери ... 76
Судьба ... 77
Прыжок ... 78
Время ... 79
Сыктывкар ... 80
ЗЕМНОЕ НЕБО ... 81
«Багровое солнце...» ... 82
Лётчики ... 83

Земляника 83
Колодец неба 84
Аэродром 85
«Синеглазая авиация...» 86
Сквозь облака 87
«За миг один полёта...» 88
Жизнь 89
Линия крыла 90
Взлёт 90
Посадка 91
«Какое счастье и мученье...» 92
Ночные самолёты 93
Трасса 93
Прощание 94
Старый самолёт 95
Перемены 96
ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ 97
О тебе 98
На голос 99
Богиня 99
Былое 100
В глазах 100
«Приземлён и телесен...» 101
Уход 102
Из детства 102
Женщина Печоры 103
Из былины 104
Ранняя осень 105
Ожидание 106
«Золочёную уздечку...» 107
Исповедай 108
Зимние цветы 109
Две лыжни 110
Твои глаза 111
Утром 112
Женщина 113
Пёрышко любви 113
Соперница 114

Взгляды 115
В зенит 116
Это святое 116
«Не самая обычная...» 117
Мастерица 117
Душа 118
Во времени 119
«Бывали и медные трубы...» 120
Созвучия 120
Сети 121
О женщине 122
Благодать 122
Гостья 123
Весенние блики 124
Созвучность 125
Осенняя ночь 126
Тучи 126
Зазимки 127
Гроза 128
Лесные тайны 129
Ночь 129
В лесу 130
«Осенняя осина...» 131
Сенокос 131
Утро 132
Сосны 133
Ромашки 134
Печора 135
У околицы 135
Реченька 136
Стая 137
Зимний тополь 138
В глуши лесной 138
Лунная ночь 139
Зимние стёжки 140
Белая ночь 141
Проталинки 142
На реке 143

ДЕРЖАВНОСТЬ 145
Моя страна 146
Метаморфозы 147
Родной язык 148
Не позабыть 149
На ходу 150
Шапка Мономаха 151
Прикидки 152
На выдох 153
Странники 154
Огромность 154
Расставание 155
Взамен 156
Державность 157
Удел 158
Время рассудит 159
Непохожесть 160
Подарок 161
Потоки 162
Рождественская ночь 163
Подобия 164
Нравы 164
Две жизни 165
Женщина 166
Как у всех 167
Лето 168
Горечь 169
Близкое 170
Душа поэзии 171
Скиталец 172
О мужчинах 173
Летняя ночь 174
Весна 174
Глаза 175
Северянка 176
Как есть 177
Дар 178
Принцесса 179

С натуры 180
Годы не сотрут 181
Себя не потеряв 182
Угроза 183
Поступь 184
Доброта 185
Чтение 186
Осенний дух 187
Быть понятым 188
Быть всему 188
Расставание 189
Интерес 190
Рань 191
По-другому 192
Суждено 192
Причуды 193
Год 194
За облаками 195
Ключ 196

ВОЛЬНИЦА 197

Художник 198
Опоздали 199
Пустота 200
Долги 201
Вольница 202
Поединки 203
Семидесятые 204
Поэтическая кухня 205
Общение 207
Из памяти 208
Откровенно 209
Строфы 210
Имена 218
Святыни 219
Во дворе 220
Любезность 220
Без следа 221
Запасы 222

СВЕТЛОЕ ВРЕМЯ ГОДА 223
За прошлое 224
От лица 225
Красотка 225
Отторжение 226
Вольные октавы 227
Ильин день 244
Только скрипки 244
Из глубин 245
Ни перед чем 246
Не мода 247
Шумный дождь 248
Обычность 249
Любопытство 250
Великолепье 251
Успеть 252
Рядом 253
Январь 254
Забвение 255
Леди 256
Рукопись 257
Память 258
Станция Ираёль 259
Наравне 260
Стрижи 261
Женские черты 262
Наизусть 263
Прогулка 264
Встреча 265
Твоё дерево 266
Окраина 267
Осенний свет 268
ПОЛЫНЬЮ И МЁДОМ 269
По складу сердца 270
Посильная кладь 271
Жизни ткань 272
Беда и благодать 273

Знаки 274
Без встрясок 275
Утренник 276
Заказник 277
Ностальгия 278
Когда ещё 279
Со всеми 280
Приезжие 281
Как перст 282
Без всего 282
Самой сутью 283
Основное 284
Благоразумие 285
Соразмерность 286
Полынью и мёдом 287
Штрихи по теме 288
Возврат 296
Дождливое утро 297
Довоенное фото 298
Как мышки 299
Причуды 299
Всерьёз 300
Ипостаси 301
Братия 302
Лесная виза 303
С природой 304
Мама 305
Флюиды весны 306
Рябиновый цвет 307
Два поэта 308
Неоконченное 310

Серия «ЗВЕЗДЫ СЕВЕРА»

Литературно-художественное издание

ВЬЮХИН Валерий Николаевич

ЗНАКИ

Стихотворения

Редактор А.Г. Попов
Художник обложки Г.Н. Шарипков
Компьютерная вёрстка П.И. Симпелев
Корректор Н.Ф. Габова

Подписано в печать 20.10.2015. Формат 70x100 $^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 11,26. Усл.-печ. л. 13,2. Тираж 1210 экз.
Заказ 8437.

Союз писателей Республики Коми
167982, Сыктывкар, ул. К.Маркса, 229

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ООО «Коми республиканская типография»
167982, Сыктывкар, ул. В.Савина, 81

12+

ISBN 978-5-9905707-8-8

9 785990 570788

347